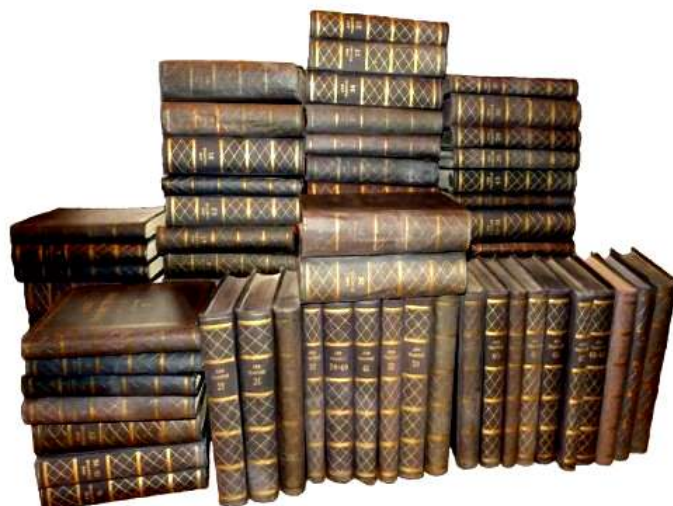
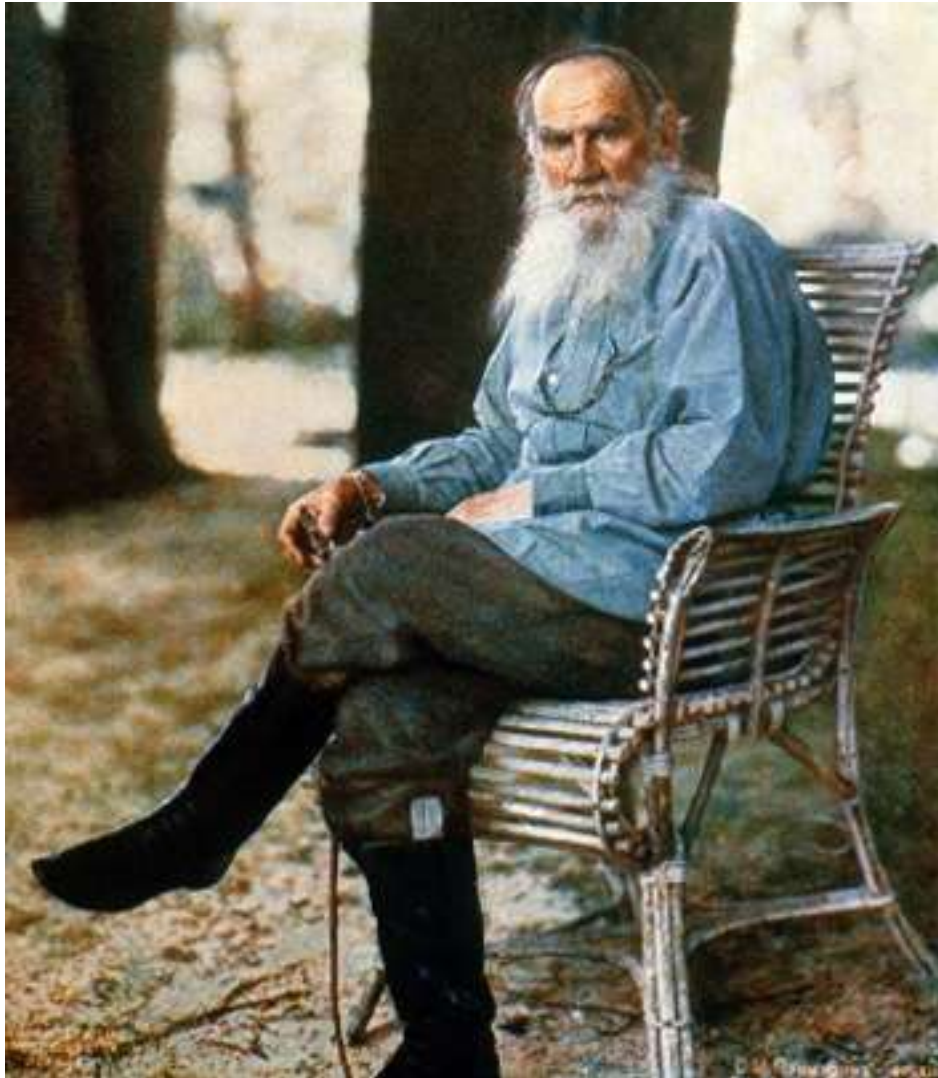


Лев Толстой

О революции, русском народе, Марксе и революционерах



СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К РУССКИМ ЛЮДЯМ. К ПРАВИТЕЛЬСТВУ, РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ И НАРОДУ	3
О ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	12
ПИСЬМО РЕВОЛЮЦИОНЕРУ.....	51
ПИСЬМО СТУДЕНТУ О ПРАВЕ.....	55
О СОЦИАЛИЗМЕ.....	61
ИЗ ДНЕВНИКА.....	67
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.....	70

ОБРАЩЕНИЕ К РУССКИМ ЛЮДЯМ. К ПРАВИТЕЛЬСТВУ, РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ И НАРОДУ.

Вы боретесь с революционерами хитростями, изворотами и, хуже всего, такими же и даже худшими жестокостями, какие против вас употребляют они. Но из двух борющихся сторон побеждает всегда не та, которая изворотливее, хитрее или злее и жесточе, а та, которая ближе к той цели, к которой движется человечество.

Верно или неверно определяют революционеры те цели, к которым стремятся, они стремятся к какому-то новому устройству жизни; вы же желаете одного: удержаться в том выгодном положении, в котором вы находитесь. И потому вам не устоять против революции с вашим знаменем самодержавия, хотя бы и с конституционными поправками, и извращенного христианства, называемого православием, хотя бы и с патриархатом и всякого рода мистическими толкованиями.

Всё это отжило и не может быть восстановлено. Спасение ваше не в думах с такими или иными выборами и никак не в пулеметах, пушках и казнях, а в том, чтобы признать свой грех пред народом и постараться искупить его, чем-нибудь загладить его, пока вы еще во власти. Поставьте перед народом идеалы справедливости, добра и истины более высокие и более справедливые, чем те, которые выставляют ваши противники.

Сделайте только то, что вы обязаны сделать, занимая место правительства, и пока есть время, поставьте своей задачей осуществление действительного народного блага, и вместо того чувства страха и озлобления, которое вы испытываете теперь, вы узнаете радость близости, единения со стомиллионным русский народом, узнаете то чувство любви и благодарности этого кроткого народа, который не попомнит ваших грехов, а будет любить вас за то добро, которое вы ему сделаете, так же как он любит теперь того и тех, которые избавили его от рабства.

Вспомните, что вы не цари, министры, не сенаторы и губернаторы, а люди, и, сделав это, вы, вместо горя, отчаяния и страха, узнаете радость прощения и любви.

Но для того чтобы это случилось, вам надо не внешним образом и как средство спасения, а искренно, серьезно всеми силами души отдалиться этому делу, и вы увидите, какая горячая, разумная и согласная деятельность проявится в лучших слоях общества, выдвинув кверху лучших людей из всех сословий, упразднив и лишив всякого значения тех людей, которые теперь мутят Россию.

Сделайте это, и уничтожатся все те ужасные, зверские элементы мести, злобы, корысти, зависти, тщеславия, честолюбия и, главное, невежества, которые теперь выступают наружу и заражают, тревожат и мучают русских людей и в которых вы виноваты.

Да, перед вами, правительственными людьми, теперь только два выхода: братоубийственная бойня и все ужасы революции и притом всё-таки неизбежная, позорная гибель, или мирное осуществление вечного и справедливого требования всего народа и указание другим христианским народам пути и возможности уничтожения той несправедливости, от которой так долго, жестоко страдают люди.

Отжила ли или не отжила та форма общественного устройства, при которой вы пользуетесь властью, пока вы пользуетесь ею, употребите ее не на то, чтобы удешевить то ело, которое уже совершено вами, и ту ненависть к вам, которую вы уже вызвали в людях, а на то, чтобы сделать великое доброе дело не только для своего народа, но и для всего человечества. Если же эта форма отжила, то пускай последний акт ее будет акт добра и правды, а не лжи и жестокости.

Так бы я сказал правительственным людям.

Революционерам же, вообще интеллигентам тем людям, которые, начиная от самых миролюбивых конституционалистов до самых воинственных революционеров, хотят заменить существующую правительственную власть другою, иначе организованной и составленной из других лиц властью, я бы сказал так.

Вы, революционеры всех оттенков и наименований, считаете существующую власть вредной и различными способами — устройством разрешенных и неразрешенных правительством собраний, составлением проектов, печатанием статей, произнесением речей, стачками, забастовками, демонстрациями и, в конце концов, как естественное и неизбежное последствие — основа всех этих действий, — убийствами, казнями, вооруженными восстаниями, хотите и стараетесь заменить существующую власть другою, новою.

Несмотря на то, что вы все несогласны между собою о том, какая должна быть эта новая власть, вы, для проведения в жизнь предлагаемого каждой из ваших партий устройства, не останавливаетесь ни перед какими преступлениями: убийства, взрывы, казни, междуусобная война.

У вас нет достаточно презрительных слов, чтобы выразить ваше осуждение и презрение к тем правительственным лицам, которые борются с вами. Но ведь все жестокие поступки правительственных лиц, когда они в борьбе с вами совершают их, в их глазах оправдываются тем, что, совершая их, они все, от царя и до последнего городского, воспитанные в безграничном уважении к установленному и освященному давностью и преданием порядку, вполне уверены, что защищая этот порядок, они делают то самое, чего требуют от них миллионы людей, признающих законность существующего порядка и их положения. Так что нравственная ответственность за их жестокие дела ложится не на них одних, а разлагается на множество лиц.

Вы же, люди самых разнообразных профессий, — врачи, учителя, техники, студенты, профессора, газетчики, курсистки, железнодорожники, рабочие, адвокаты, купцы, помещики, — до сих пор занимавшиеся не имеющими ничего общего с управлением своими специальностями, никем, кроме как самими собой, не призванные и не признанные, вдруг несомненно узнав, какое именно устройство нужно для России, во имя этого будущего общественного устройства, которое каждый из вас определяет по своему, на одних себя берете всю ответственность совершаемых вами самых ужасных поступков: взрываете, разоряете, убиваете, казните.

Убиты тысячи людей, приведены в отчаяние, озлоблены, озверены все русские люди. И всё это ради чего? Всё это ради того, что среди небольшой кучки людей, едва ли одной десятитысячной всего народа, некоторые люди решили, что для самого лучшего устройства русского государства нужно продолжение той думы, которая заседала последнее время, другие, что нужна другая дума с общей, тайной, равной и т. д., третьи, что нужна республика, четвертые — не простая, а социалистическая республика. И ради этого вы возбуждаете междуусобную войну.

Вы говорите, что вы делаете это для народа, что главная цель ваша — благо народа. Но ведь стомиллионный народ, для которого вы это делаете, и не просит вас об этом и не нуждается во всем том, чего вы стараетесь достигнуть такими дурными средствами. Народ не нуждается во всех вас и всегда смотрел и смотрит на вас и не может смотреть иначе как на тех самых дармоедов, которые теми или иными путями отнимают от него его труды и отягощают его жизнь.

Только представьте себе ясно этот стомиллионный русский земледельческий народ, который, строго говоря, один составляет тело русского народа, и поймите, что вы все, и профессора, и фабричные рабочие, и врачи, и техники, и газетчики, и студенты, и помещики, и кур-слетки, и ветеринары, и купцы, и адвокаты, и железнодорожники, те самые, которые так озабочены его благом, что вы все только вредные паразиты этого тела, вытягивающие из него его соки, загнивающие на нем и передающие ему свое гниение.

Только живо представьте себе эти миллионы вечно терпеливо работающих и держащих на своих плечах всю вашу неестественную, искусственную жизнь и прикиньте к этим людям все эти реформы, которых вы добиваетесь, и вы увидите, как чуждо этому народу всё то, чего вы добиваетесь будто бы для его блага. У него есть другие задачи, он глубже вас видит предстоящую ему цель, он выражает сознание своего назначения не газетными статьями, а всей своей жизнью ста миллионов людей.

Но нет, вы не можете понять этого, вы твердо уверены в том, что этот грубый народ не имеет никаких своих основ и что для него будет великое благо, если вы просветите его той последней статейкой, которую вы прочли, и он сделается таким же жалким, беспомощным и развращенным существом, как вы сами.

Вы говорите, что хотите справедливого устройства ЖИЗНИ, но ведь вы можете существовать только при неправильном, несправедливом устройстве жизни. Установись действительно справедливое устройство жизни, в котором нет места высасывающим чужие труды людям, — и вы все, помещики, купцы, врачи, профессора, адвокаты, учителя и также фабричные, фабриканты, заводчики и техники, учителя, производители пушек, табаку, водки, зеркал, бархата и т. п. вместе с правительственными людьми — вы все умрете с голода.

Вам не только не нужно действительно справедливого устройства жизни, но для вас нет ничего опаснее такого устройства, при котором людям надо будет всем равно трудиться полезным всем людям трудом.

Только перестаньте обманывать себя, а прямо взгляните на то место, которое вы занимаете в русском народе, и на то, что вы делаете, и вам будет ясно, что ваша борьба с правительством есть борьба двух паразитов на здоровом теле и что для народа одинаково вредны обе борющиеся стороны.

И потому говорите о своих интересах, а не о народе, не лгите, говоря о нем, и оставьте его в покое. Боритесь с правительством, если вы не можете удержаться от этого, но знайте, что вы боретесь для себя, а не для народа, и что в этой насильнической борьбе не только нет ничего благородного и хорошего, но что эта борьба есть очень и глупое и вредное и, главное, безнравственное дело.

Ваша деятельность имеет целью, как вы говорите, улучшение общего положения людей. Но для того чтобы положение людей стало лучше, надо, чтобы сами люди стали лучше. Это такой же трюизм, как то, что для того, чтобы согрелся сосуд воды, надо, чтобы все капли ее согрелись. Для того же, чтобы люди становились лучше, надо, чтобы они всё больше и больше обращали внимания на себя, на свою внутреннюю жизнь. Внешняя же общественная деятельность, в особенности общественная борьба, всегда отвлекает внимание людей от внутренней жизни и потому, всегда неизбежно развращая людей, понижает уровень общественной нравственности, как это происходило везде и как мы это в поразительной степени видим теперь в России.

Понижение же уровня общественной нравственности делает то, что самые безнравственные части общества всё больше и больше выступают наверх, и устанавливается безнравственное общественное мнение, разрешающее и даже одобряющее преступления, грабежи, разврат и даже убийства. И устанавливается ложный круг; вызванные общественной борьбой худшие части общества с жаром отдаются соответствующей их низкому уровню нравственности общественной деятельности, деятельность же эта привлекает к себе еще худшие элементы общества. И нравственность всё больше и больше понижается, и героями времени становятся самые безнравственные люди: Дантоны, Мараты, Наполеоны, Талейраны, Бисмарки.

Так что участие в общественной деятельности и борьбе есть не только не возвышенное, полезное, хорошее дело, как это принято думать и говорить теми, кто занимается этой борьбой, а, напротив, самое несомненно глупое, вредное и безнравственное дело.

Подумайте об этом, в особенности вы, молодые люди, еще не завязшие в липкой грязи политической деятельности, стряхните с себя тот ужасный гипноз, под которым вы находитесь, освободитесь от той лжи мнимого служения народу, во имя которой вы считаете себе всё дозволенным, подумайте, главное, о высших свойствах своей души, требующих от вас не равной, тайной и т. д., не вооруженных восстаний или учредительных собраний и тому подобных глупостей и жестокостей, а только одного: вашей доброй и правдивой жизни.

Для вашей же доброй и правдивой ЖИЗНИ вам нужно, прежде всего, не обманывать себя, не думать, что, отдаваясь СВОИМ мелким страстям — тщеславию, честолюбию, зависти, молодечеству, желанию найти выход своим праздным силам или желанию улучшить свое личное положение, вы служите народу, а оглянуться на себя и постараться самим исправить свои недостатки и быть лучше.

Если же вы хотите думать об общественной жизни, то подумайте прежде всего о своем грехе перед народом и постарайтесь как можно меньше пользоваться его трудами и если не помогать ему, то, по крайней мере, не путать, не мутить его, не делать того ужасного преступления, которое делают многие из вас — обманывать, раздражать его, вызывать его к грабегам и восстаниям, кончающимся всегда только страданиями и еще большим порабощением этого народа.

Те сложные и трудные обстоятельства, среди которых мы живем теперь в России, требуют от вас именно теперь не статей в газеты, не речей в собраниях, не хождений по улицам с револьверами, не нечестного возмущения крестьян с освобождением себя от ответственности, а открытого, строгого отношения к себе, к своей жизни, которая одна в нашей власти и улучшение которой одно может улучшить общее состояние людей.

Народу же, под которым я разумею весь русский народ, но преимущественно рабочий земледельческий народ, тот, на трудах которого держится жизнь всех остальных, я бы сказал следующее.

Вы, русский рабочий народ, преимущественно земледельческий, крестьяне, находитесь теперь в России в особенно трудном положении. Как ни трудно было вам жить на малой земле при больших податях и при пошлинах и при войнах, которые затевало правительство, вы жили до самого последнего времени, веря в царя, в то, что без царя и его власти нельзя жить, и покорно повиновались правительству.

Как ни дурно правило вами царское правительство, вы покорно повиновались ему до тех пор, пока оно было одно. Но вот теперь, когда сделалось то, что одна часть народа взбунтовалась и перестала повиноваться царскому правительству, стала воевать с ним, когда во многих местах вместо одного правительства стало два и каждое требует себе повиновения, то вам нельзя уже, как прежде, не разбирая, хорошо ли дурно ли управляет вами правительство, покорно повиноваться тому, какое есть, а приходится выбирать, какому из двух повиноваться.

Что же вам делать? Не тем десяткам тысяч рабочих, которые суетятся и мечутся по городам, а вам, большому, настоящему, стомиллионному земледельческому народу?

Старое царское правительство говорит вам: «не слушайте бунтовщиков: они обещают много, но обманут вас. Оставайтесь верными мне, и я удовлетворю все ваши нужды».

Бунтовщики говорят: «не верьте царскому правительству: как оно всегда мучило вас, так и будет продолжать мучить. Присоединитесь к нам, помогите нам, и мы устроим вам такое же, как в самых свободных государствах, правительство. Тогда вы сами будете выбирать своих правителей, сами управлять собою и сами исправите все свои нужды».

Что же вам делать?

Поддерживать старое правительство? Но ведь старое правительство давно уже обещает заняться вашими нуждами, но не только не облегчает их, но только усиливает ваши главные нужды; нужду земельную, податную, солдатскую.

Пристать к бунтовщикам? Бунтовщики обещают то, что устроят вам такое же выборное правительство, как в самых свободных государствах. Но везде, где устроены такие выборные правительства, в самых свободных государствах, как в французской и американской республиках, точно так же как и у нас, не облегчены главные нужды народные: везде, как и у нас, и еще больше, чем у нас, земля в руках богачей; и, точно так же как у нас, не спрашивая народ, обкладывают его податями и пошлинами; и, так же как у нас, не спрашивая его, содержат войска и объявляют войны и воюют, когда это нужно тем, кто властвует. И, кроме того, новое правительство не установилось, и еще неизвестно, каково оно будет.

Но мало того, что вам нет выгоды пристать к тому или другому правительству: вам и нельзя по совести, перед Богом 'этого сделать.

Защищать старое правительство — значит делать то, что делалось в последнее время в Одессе, Севастополе, Киеве, Риге, Кавказе, Москве: ловить, убивать, вешать, жечь живыми, казнить, стрелять по улицам, убивать детей, женщин.

Пристать же к революционерам — значит делать то же самое: убивать людей, взрывать, жечь, грабить, воевать с солдатами, казнить, вешать.

И потому вам, рабочему христианскому народу, теперь, когда царское правительство зовет вас воевать против братьев и к тому же зовут вас революционеры, вам уже не для своей выгоды, а перед Богом и своей совестью явно нужно и должно только одно: не приставать ни к старому, ни к новому правительству и не участвовать в нехристианских делах ни того, ни другого.

А не участвовать в делах старого правительства — значит: не служить в солдатах, в полиции, в стражниках, городских, десятских; не служить ни в каких правительственных учреждениях, властях, земствах, собраниях, думах.

Не участвовать же в делах революционеров значит: не составлять собраний, союзов, стачек, не жечь и не разорять чужие дома, не присоединяться к вооруженным восстаниям.

Над вами стало теперь два враждебных друг другу правительства, и оба призывают вас к злым, нехристианским делам. Что же вам делать иного, как не отказаться от всякого правительства?

Говорят, что трудно и даже невозможно жить без правительства, но ведь вы, русские рабочие, особенно земледельческие люди, знаете, что когда живете по деревням мирной, трудолюбивой, деревенской жизнью, пользуясь на равных правах землей и решая свои общественные дела миром, правительство вам совсем не бывает нужно.

Вы нужны для правительства, но правительство не нужно вам, русским земледельческим людям. И потому в теперешних трудных обстоятельствах, когда одинаково дурно присоединяться к тому или другому правительству, вам, русским земледельческим людям, и разумно и благодетельно не повиноваться никакому правительству.

Но если это так для земледельческого народа, то что делать фабричным, заводским рабочим, которых во многих краях больше, чем земледельцев, и жизнь которых вся во власти правительства? То же самое, что и сельским рабочим: не повиноваться никакому правительству и всеми силами стараться ворочаться к земледельческой жизни.

Только перестаньте, городской рабочий народ, так же как и сельский, повиноваться правительству, служить ему — и уничтожится власть правительства, а с уничтожением этой власти сами собою уничтожатся те условия рабства, в котором вы живете, потому что поддерживаются эти условия только насильнической властью правительства. А насильническую власть составляете вы сами.

Только эта власть накладывает пошлины на ввозимые и вывозимые предметы, только она собирает пошлины с предметов внутреннего производства, только правительственная власть устанавливает законы, поддерживающие монополии частных лиц и право собственности на землю, только эта власть, распоряжаясь войском, которое вы сами поставляете ей, держит вас в постоянной зависимости и покорности от себя и своих помощников — богатых людей.

Только перестаньте, городской рабочий народ, так же как и сельский, повиноваться правительству, и вам, городским рабочим, не будет уже необходимо принимать от хозяев фабрик те условия, которые они будут ставить вам, а вы сами будете ставить им свои условия, или будете сами заводить свои артельные заведения нужных для народа предметов, или будете переходить, при свободной земле, к естественной земледельческой ЖИЗНИ.

«Но если вы не будете повиноваться правительству, не будете давать податей и солдат, придут чужие народы и завоюют вас», говорят еще те люди, которым нужно властвовать над вами. Не верьте этому.

Только живите, признавая землю общую, не давая солдат и не платя податей, кроме тех, которые добровольно будете давать на существенные дела, и миролюбиво миром решая свои несогласия, — и чужие народы, глядя на такую ванту хорошую жизнь, не пойдут завоевывать вас, а если и пойдут, то, узнав такую вашу добрую жизнь, переймут ее и, вместо того чтобы воевать с вами, присоединятся к вам.

Ведь все народы, точно так же как и вы, страдали и теперь страдают от правительств, от борьбы разных правительств между собою — борьбы и военной, и торговой, и промышленной и от борьбы сословий и разных партий. Во всех христианских народах идет внутренняя работа, главная цель которой — освобождение от правительств.

«Правительство нужно, нельзя жить без правительства», говорят люди, в особенности убежденные в этом теперь, когда в народе происходят смуты. Кто же эти люди, так озабоченные целостью правительства? Это те самые люди, которые живут трудами народа и, сознавая свой грех, боятся его обличения и надеются на то, что связанное с ними единством интересов правительство силой защитит их неправду. Этим людям правительство очень нужно, но не вам, народу. Правительство всегда было для вас только тяжестью; теперь же, при своем дурном управлении вызвав бунт и разделение на два правительства, оно стало явным бедствием и великим грехом, от которого вам для вашего телесного и духовного блага необходимо отказаться.

Сразу ли придется вам, русскому рабочему народу, освободиться теперь от повинования всякому правительству или придется вам, русским рабочим людям, еще пострадать и потерпеть от людей прежнего или нового правительства, может быть, и от правительств чужих народов, вам, рабочим людям русского

народа, в настоящее время делать больше нечего, как перестать повиноваться правительству и начать жить без него.

Если вам, как сельским, так и городским рабочим, и придется в первое время пострадать за свое неповиновение, как от старого, так и от нового правительства, а также и от внутренних несогласий, которые могут возникнуть между вами, то всё-таки все те бедствия, которые могут произойти от этих причин, ничто, в сравнении с теми бедствиями и страданиями, которые вы теперь несете от правительства и которые вам придется еще перенести, если вы, повинувшись тому или другому правительству, будете вовлечены в те убийства, казни, междуусобия, которые совершаются теперь и еще долго будет совершаться борющимися правительствами, если только вы не прекратите их своим неучастием в них.

Только поддайтесь тому, чего от вас требует и к чему призывает и то и другое правительство, только вступите, поддерживая старое правительство, в борьбу с революционерами, участвуя в войсках, в полиции, в скопищах черной сотни или поддерживая революционеров, принимая участие в стачках, разгромах, вооруженных восстаниях или в каких бы то ни было союзах, выборах и думах, — и вы, кроме того, что возьмете и много греха на душу и много пострадаете, не успеете оглянуться, как то или другое правительство, то самое, которое восторжествует, хотя бы вы и помогли его торжеству, затянет на вас опять ту мертвую петлю рабства, в которой вы жили и живете еще.

Только не поддавайтесь и не повинуйтесь ни тем, ни другим, и вы избавитесь от ваших бедствий и будете свободны.

Из теперешних трудных обстоятельств для вас, русского рабочего народа, есть только один выход: отказ от повиновения какой бы то ни было насильнической власти, смиренное и кроткое перенесение насилий, но не участие в них.

Выход этот прост и легок и, несомненно, ведет к благу. Но для того чтобы вы могли поступить так, вы должны признать власть Бога и закон Его.

«Претерпевший до конца спасен будет». И спасение ваше в ваших руках.

О ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

I. «Мы живем в важное время. Никогда людям не предстояло столько дела. Наш век есть век революции в лучшем смысле этого слова, — не материальной, но нравственной революции. Вырабатывается высшая идея общественного устройства и человеческого совершенства. Мы не доживем до жатвы, но сеять с верой есть великое счастье».

Чаннинг

«ПОКЛОННИКИ ПОЛЬЗЫ не имеют иной нравственности, кроме нравственности выгоды, и иной религии, кроме религии материального блага. Они нашли тело человека изуродованным и истощенным нищетой и в своем необдуманном рвении сказали себе: «давайте, излечим его тело; когда оно будет сильно, жирно, хорошо упитано, то душа вернется в него».

А я говорю, что излечить это тело можно только излечив душу. В ней корень болезни, и телесные недуги являются лишь внешними проявлениями этой болезни. Современное человечество умирает от отсутствия общей веры, общей идеи, связующей землю в небом, вселенную о Богом.

От отсутствия этой религии духа, от которой остались лишь пустые формы и безжизненные формулы, от полного отсутствия чувства долга, способности жертвовать собою, человек, подобно дикарю, пал, распростертый во прах, и воздвиг на пустом алтаре идол «выгоде». Деспоты и князья » мира сего стали его первосвященниками. От них-то и возникла отвратительная формула морали выгоды, гласящая: «каждый только для своих, каждый только для себя».

Каиаф Мадаини

«Видя толпы народа, он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря».

Мф. IX, 36.

В России совершается революция, и весь мир с напряженным вниманием следит за ней, угадывая и стараясь предвидеть, к чему ведет и приведет русских людей эта революция.

Предугадать и предвидеть это для посторонних зрителей, наблюдающих русскую революцию извне, может быть, и интересно и важно, — для нас же, русских людей, переживающих эту революцию, совершающих ее, главный интерес не в предугадывании того, что будет, а в наиболее ясном и твердом определении того, что нам, русским, надо делать в то огромной важности для нас, грозное и опасное время, которое мы переживаем.

Всякая революция есть всегда изменение отношения народа к власти.

Такое изменение происходит теперь в России, и изменение это совершаем мы, все русские люди. И потому, для того чтобы нам знать, как именно мы можем и должны изменить свое отношение к власти, необходимо понять сущность власти, в чем она состоит, как она возникла и какое наилучшее отношение к ней.

Всегда, во всех народах, происходило одно и то же. Среди людей, занятых необходимым, свойственным всем людям делом кормления себя и своих семей либо охотой (звероловы), либо прирученными животными (кочевники), либо земледелием, всегда появлялись люди — иногда своего народа, иногда чужого, которые силою отнимали у трудящихся плоды их трудов: сначала грабили, потом порабощали их и требовали с них или работу на себя или дани.

Так это происходило в древности, происходит и теперь в Африке и Азии. И всегда и везде трудящиеся, занятые своим привычным, неизбежно необходимым и неотрывным делом борьбы с природой для пропитания себя и взращения своих детей, хотя несравненно более многочисленные и всегда более нравственные, чем завоеватели, покорялись завоевателям и исполняли их требования.

Покорялись они потому, что при свойственном всем людям вообще отвращении от борьбы с людьми, в особенности же людям, занятым серьезным трудом с природой для поддержания существования себя и семьи, люди эти предпочитали нести последствия совершаемых над ними насилий отрыванию себя от необходимого привычного и любимого ими дела.

Тут, конечно, не было никаких договоров Гуго Гропия или Руссо, которыми объяснялись отношения подвластных к властвующим.

Точно так же не было и не могло быть соглашения людей, как это представляет себе Спенсер в его ((Principles of Sociology* о том, как наилучшим способом устроиться в общественной ЖИЗНИ, НО всегда выходило самым естественным образом то, что когда одни люди насильствовали других, то насилуемые предпочитали не только перенесение многих тяжестей, но часто великих бедствий, заботам и усилиям, нужным для противодействия насильникам, тем более что завоеватели брали на себя обязанность защищать покоренный народ от внутренних и внешних нарушителей спокойствия.

И потому всегда было то, что большинство людей, занятых необходимым для них, как и для всех животных, трудом прокармливания себя и своих семей, не только без борьбы переносило все неизбежные неудобства, тягости и даже жестокости властителей, но и подчинялось им, признавая своей обязанностью исполнение всех их требований.

II.
Говоря об образовании первоначальных обществ, всегда забывают то, что не только самые многочисленные и самые необходимые, но и самые нравственные члены общества — это всегда те, которые своим трудом поддерживают жизнь всех остальных и что таким людям всегда естественнее, вместо того чтобы отрываться от необходимого дела — поддержания жизни себя и своих семей — для борьбы с насилием, подчиняться насилию и нести все сопряженные с ним тяжести.

Так это и теперь, когда мы видим бирманцев, египетских феллахов и буров, подчиняющихся англичанам, бедуинов — французам; так это тем более было в старинные времена.

В последнее время в том весьма распространенном теперь странном учении, которое называется наукой социологии, утверждается, что отношения людей в обществе сложились и складываются на основании экономических условий.

Но такое утверждение есть только установка, вместо очевидной и ясной причины явления, одного из его последствий. Причина тех или иных экономических условий всегда была и не может быть ни в чем ином, как только в насилии одних людей над другими; экономические же условия суть последствия насилия и потому никак не могут быть причиной отношений между людьми.

Всегда было то, что люди недобрые, любящие праздность в завистливые — Каины нападали на земледельцев — Авелей — и, угрожая убийством и убивая, пользовались трудами работающих людей. Люди же добрые, смирные и трудолюбивые, вместо того чтобы бороться с насильниками (чего они отчасти не хотели, отчасти не могли сделать, не прекращая труда кормления себя и своих ближних), считали для себя наилучшим повиноваться им.

На этих-то насилиях злых над добрыми, а никак не на экономических условиях, и основались, и основываются, и держатся до сих пор все существующие человеческие общества.

С самых древних времен и у всех народов мира отношения людей властвующих и подвластных основывалось на насилии. Но отношение это, как и всё в мире, постоянно изменялось и изменяется.

Изменяется оно по двум причинам: во-первых, потому, что власть, то есть люди праздные, пользующиеся властью, по мере упрочения и продолжения власти всё более и более развращаются, становятся неразумными и жестокими, и требования их становятся всё более и более вредными для подвластных, и, во-вторых, потому, что одновременно с развращением властителей всё более и более уясняется для подвластных безумие и вред их повиновения развратившейся власти.

Развращаются же властвующие люди всегда, во-первых, потому, что люди эти по самому характеру своему люди безнравственные, предпочитающие праздность и насилие труду, завладев властью и пользуясь ею для удовлетворения своих похотей и страстей, всё более и более отдаются своим страстям и порокам; во-вторых, потому, что похоти и страсти, встречав у обыкновенных людей препятствия для своего удовлетворения, у властвующих не только не встречают таких преград и не вызывают осуждения, а, наоборот, восхваляются всеми приближенными.

Приближенным большею частью выгодно безумие их властителей, и, кроме того, им приятно думать, что те добродетели и мудрость, которым только и свойственно подчиняться разумным людям, находятся в тех людях, которым они подчиняются, и потому пороки властителей, восхваляемые как добродетели, разрастаются до ужаснейших размеров.

Вследствие этого и доходят коронованные и некоронованные властители народов до тех ужаснейших пределов безумия и порока, до которых доходили Нероны, Карлы, Генрихи, Людовики, Иоанны, Петры, Екатерины, Мараты.

Но не это одно. Если бы властители довольствовались одним личным развратом, пороками, они бы не были так вредны; но праздным, пресыщенными развращенным людям, каковы бывали и бывают властители, надо жить чем-нибудь, иметь цели, достигать их.

Иных же целей у этих людей не может быть, как только цели достижения всё большей и большей славы. Во всех других страстях предел пресыщения наступает очень скоро. Только страсть славолубия не имеет пределов, и потому почти все властители всегда стремились и стремятся к славе и преимущественно военной, как единственно доступной людям развращенным, не знающим настоящего труда и неспособным в нему. Для войн же, которые затевают властители, нужны деньги, войска и, главное, убийство людей. Вследствие же всего этого положение подвластных становится всё тяжелее и тяжелее.

И наконец, тяжесть эта доходит до такой степени, при которой подвластные уже не могут по-прежнему продолжать подчиняться власти и стараются изменить свое отношение к ней.

III.

Такова одна причина изменения отношения властителей и подвластных.

Другая, еще более сильная причина этого изменения в том, что подвластные, признавая над собой право власти и привыкнув подчиняться ей, с распространением просвещения и уяснения нравственного сознания начинают видеть и чувствовать не только всё большую и большую материальную злобредность власти, но и то, что подчинение власти становится безнравственным делом.

Возможно было народам за тысячу, пятьсот лет тому назад, повинуюсь своим властителям, избивать целые населения чужих народов ради завоевания или ради династических или фанатически-религиозных целей: рубить головы, пытать, четвертовать, запирали в клетки, истреблять или обращать в рабство целые населения.

Но в XIX и XX веках подвластные люди, просвещенные христианством или выросшими из него гуманитарными учениями, уже не могут без укора совести повиноваться власти, требующей участия в убийстве людей, защищающих свою

свободу, как китайская война, бурская, филиппинская; не могут уже, как прежде, с спокойной совестью чувствовать себя участниками тех насилий и казней, которые совершаются теперь всеми правительствами в своих государствах.

Так что насильническая власть, по мере своего продолжения, с двух концов уничтожает сама себя: уничтожает себя своей всё увеличивающейся развращенностью властителей и вытекающей из нее всё большей и большей тяжестью для подвластных, и своим всё большим и большим отступлением от всё развивающихся и разъясняющихся нравственных требований подвластных.

И потому при существовании насильнической власти неизбежно должен наступить момент, когда отношение народа к власти должно измениться. Момент этот может наступить раньше или позже, смотря по степени и по быстроте развращения власти, по степени ее хитрости, по более или менее спокойному или беспокойному темпераменту народа и даже в зависимости от географического положения народа, содействующего ИЛИ препятствующего общению людей между собою; но рано или поздно момент этот неизбежно наступает и должен наступить для всех народов.

Для западных народов, возникших на развалинах Римской империи, момент этот наступил давно. Борьба народа с властью началась еще в Риме, продолжалась и во всех наследовавших Риму государствах, продолжается и теперь. Для восточных народов: Турции, Персии, Индии, Китая момент этот не наступил еще. Для русского же народа он наступил именно теперь.

Русский народ стоит теперь перед страшным выбором: продолжать ли, несмотря на все претерпеваемые от него бедствия, повиноваться, по примеру восточных народов, своему неразумному и развращенному правительству или, как до сих пор поступали все западные народы, признавшие вред существующего правительства, свергнуть его силою и установить новое.

Такой выбор представляется самым естественным людям нерабочих классов русского народа, находящимся в общении с высшими достаточными классами западных народов и считающим благом то военное могущество и успех промышленности, торговли и технических усовершенствований и тот внешний блеск, до которого, при своих измененных управлениях дошли западные народы.

IV.

Большинство русских людей нерабочих классов вполне уверено, что русский народ в момент наступившего теперь для него кризиса не может ничего сделать лучшего, как идти по пути, по которому шли и идут западные народы, то есть бороться с властью, ограничивать ее и передавать ее всё более и более в руки всего народа.

Справедливо ли такое мнение и хороша ли такая деятельность?

Достигли ли западные народы, в продолжение сотен лет шедшие по этому пути, того, к чему они стремились? Избавились ли они на этом пути от тех бедствий, от которых они хотели избавиться?

Западные народы, как и все народы, начали с того, что покорились тем властителям, которые требовали от них подчинения, предпочитая подчинение борьбе с властью. Но власть эта, в лице Карлов Великих, Пярых, Филиппов, Людовиков, Генрихов VIII, всё более и более развращаясь, дошла до такой степени, при которой западные народы не могли долее переносить ее. Западные народы возмущались в различное время против своих властителей и боролись с ними. Борьба эта проявлялась различно в различные времена и в различных местах, но выражалась она всегда одним и тем же: междоусобными войнами, грабежами, убийствами, казнями и кончалась тем, что свергалась прежняя власть и устанавливалась новая. Но когда и новая власть становилась так же тяжела для народа, как и сверженная, свергалась и эта и устанавливалась еще новая, которая, по тем же неизменным свойствам власти, становилась так же вредна, как и прежняя.

Так, например, во Франции в продолжение семидесяти лет было одиннадцать перемен власти: Бурбоны, Конвент, Директория, Бонапарт, Империя, опять Бурбоны, Республика, Людовик-Филипп, опять Республика, опять Бонапарт, опять Республика. Замена старых властей новыми совершалась и среди других народов, хотя и не с такой быстротой и резкостью, как во Франции. Замены эти большею частью не улучшали положения народов, и потому люди, совершавшие эти замены, не могли не прийти к мысли о том, что бедствия, испытываемые ими, происходят не столько от свойства лиц, пользующихся властью, сколько оттого, что существует власть ю немногих над многими. И потому люди старались обезвредить власть ограничением ее. И ограничение это в виде выборных сословных палат было введено в различных государствах.

Но люди, ограничивающие произвол власти и составляющие собрания, делаясь обладателями власти, естественно подпадали тому же свойственному власти развращающему влиянию, которому подпадали самодержавные властители. Люди эти, становясь участниками власти, хотя и не единолично, но совокупно или порознь, производили такое же зло и становились го так же тяжелы для народа, как и самодержавные властители.

Тогда, для того чтобы еще более ограничить произвол власти, среди некоторых народов была уничтожена совершенно монархическая власть и установлено правительство, составленное из людей, избранных от всего народа. Так учредились теперь республики: Франции, Америки, Швейцарии, введены референдум и инициатива, то есть возможность для каждого члена общества вмешиваться и участвовать в законодательстве.

Но все эти меры сделали только то, что граждане этих государств, всё более и более участвуя во власти и отвлекаясь от зо серьезных занятий, всё более и более

развращались. Бедствия же, от которых страдают народы, остались совершенно те же как при конституционных монархических, так и при республиканских правительствах, с референдумами и без них.

Оно и не могло быть иначе, так как мысль ограничить власть участием во власти всех людей, подлежащих власти, в самом корне своем ошибочна и представляет внутреннее противоречие.

Если один человек с помощью своих сотрудников управляет всеми, то это несправедливо, и все вероятия за то, что управление этого одного будет вредно для народа. То же самое будет и при власти меньшинства над большинством.

Власть же большинства над меньшинством также не обеспечивает справедливого управления, так как нет никаких оснований полагать, что большинство людей, участвующих в управлении, разумнее того меньшинства, которое уклоняется от участия в управлении.

Распространение же участия в управлении на всех, как это может сделать еще более распространенное право референдума и инициативы, сделает только то, что все будут бороться со всеми.

Власть одного человека над другим, основанная на насилии, в источнике своем есть зло, и потому никакое устройство, удерживающее право насилия человека над человеком, не может сделать того, чтобы зло перестало быть злом.

И потому во всех народах, как бы они ни управлялись, самыми деспотическими или самыми демократическими правительствами, одинаково остаются все главные и основные бедствия народов: те же всё возрастающие огромные бюджеты, те же враждебные отношения с соседями, требующие военных приготовлений и войск, те же подати, те же монополии правительственные и частные, и то же лишение народа права пользования землей, отданной в собственность частным землевладельцам; те же порабощенные народности, та же постоянная угроза войн и те же войны, истребляющие жизни людей и подрывающие их нравственность.

V.
[королевские приказы об изгнании или заточении без суда и следствия]
Правда, что представительственные правительства Западной Европы и Америки, как конституционно-монархические, так и республиканские, уничтожили некоторые внешние злоупотребления представителей власти, сделали невозможным, как это было при наследственном монархическом правлении, чтобы обладатели власти были такие изверги, каковы были разные Людовики, Карлы, Генрихи, Иоанны.

(Хотя и при представительном правлении не только возможен захват власти людьми ничтожными, хитрыми, безнравственными и ловкими, каковы были первые министры и президенты, но устройство правительства таково, что достигнуть власти могут только такие люди.) Правда, представительство

уничтожило такие злоупотребления, как lettres de cachet,¹ уничтожило утеснения печати, религиозные гонения и насилия, подвергло обсуждению представителей обложения народа податями, сделало гласными и подлежащими обсуждению действия правительства, сделало и то, что во всех этих государствах с особенной быстротой развились разные технические усовершенствования, дающие большие удобства жизни богатым гражданам и большую военную силу государствам.

Так что народы с представительным правлением несомненно стали в промышленности, торговле и военном деле могущественнее народов, управляемых деспотической властью, и « жизнь нерабочих классов этих народов стала несомненно обеспеченнее, удобнее, приятнее, красивее, чем была прежде.

Но стала ли лучше жизнь большинства людей этих народов, обеспеченнее, свободнее и, главное, разумнее и нравственнее? Я думаю, что нет.

При деспотической единоличной власти число людей, подвергающихся развращению власти и живущих чужими трудами, бывает ограничено и состоит из близких друзей и помощников, прислужников, льстецов, властителей и их помощников. Двор властителей составляет единственный фокус заражения развратной жизнью, от которого оно лучами распространяется во все стороны. При ограничении же власти, то есть при участии многих во власти, число этих фокусов увеличивается, так как каждый участник власти имеет своих друзей, помощников, прислужников, льстецов и свое потомство.

При всеобщем же избирательном праве число этих центров заразы еще более распространяется. Каждый избиратель становится предметом лести и подкупа. Изменяется и самый характер власти: вместо власти, основанной на прямом насилии, является власть денежная, основанная на том же насилии, но не непосредственно, а через сложную передачу.

Так что при представительном правлении вместо одного или немногих центров разврата является большое количество таких центров, то есть появляется большое количество людей, праздно живущих трудами рабочего народа, появляется тот класс людей, который называется буржуазией, то есть людей, которые под покровительством насилия устраивают себе жизнь, свободную от тяжелого труда, легкую и приятную.

Но так как для устройства такой легкой и приятной жизни не для одного монарха с его двором, а для тысяч маленьких начальников. нужно много предметов, украшающих и веселящих праздную жизнь, то всегда с переходом власти из деспотического в представительное появляются изобретения, облегчающие доставление предметов удовольствия и ограждения жизни богатых классов.

Для производства же всех этих предметов всё более и более отрываются рабочие от земледелия, и силы их направляются на приготовление для богатых классов и отчасти для самих рабочих ничтожных приятностей. И является сословие городских рабочих, всегда по своему положению находящихся в полной зависимости от людей достаточных классов.

Число этих людей по мере продолжения существования власти государств с представительным правлением всё увеличивается, и положение их всё ухудшается. В Соединенных Штатах на 70 миллионов жителей 10 миллионов пролетариев, то же по отношению пролетариев к достаточным классам в Англии, Бельгии, Франции. Так что количество людей, освобождающих себя от труда выработывания предметов первых потребностей для труда приготовления предметов роскоши, в этих государствах всё увеличивается и увеличивается.

И потому ясно, что последствием такого хода жизни должно быть всё большее и большее отягощение того уменьшающегося количества людей, которые должны поддерживать роскошь жизни всё увеличивающегося количества людей праздных и роскошествующих. Очевидно, такая жизнь народов не может продолжаться.

Совершается нечто подобное тому, что было бы с человеком, тяжесть туловища которого всё увеличивалась бы и увеличивалась, ноги же, поддерживающие туловище, становились бы всё тоньше и слабее. Туловище должно завалиться, когда нечему будет держать его.

VI.

Западные народы, как и все народы, подчинились власти завоевателей только для того, чтобы избавиться от тревог и греха борьбы. Когда же власть стала тяжела, они, не переставая подчиняться власти, признавая ее необходимость, стали бороться с нею. Сначала малая часть людей участвовала в борьбе; потом, когда борьба малой части оказалась неуспешной, всё большая и большая часть людей вступала в борьбу, и кончилось тем, что вместо освобождения себя от тревог и греха борьбы большая часть людей этих народов приняла участие во власти, в том самом, от чего люди хотели избавиться, допустив власть над собою.

И последствием этого было, как и должно было быть, всё большее и большее разращение, свойственное власти, но уже не небольшого количества людей, как это было при единоличной власти, а всех членов общества. (Теперь заботятся о том, чтобы подвергнуть этому разращению и женщин.)

При представительном правлении и всеобщих выборах сделалось то, что каждый обладатель частицы власти подвергся всем тем зловредным влияниям власти, которые сопутствуют ей: подкупу, лести, тщеславию, самомнению, праздности и, главное, безнравственному участию в делах насилия. Всякий член парламента подвергается всем этим соблазнам еще в большей степени. Всякий депутат всегда начинает свое вступление во власть подкупом, спаиванием, одурением,

обещаниями, которых он знает, что не сдержит, и, заседа в палате, участвует в составлении законов, приводимых в исполнение насилем. То же со всякими сенаторами, президентами. Существует определенная цена местам в парламенте, существуют дельцы, устраивающие эти сделки кандидата с избирателями.

Тот же разврат при выборе президента. Выбор президента в Соединенных Штатах стоит миллионы тем аферистам, которые знают, что выбранный президент будет поддерживать выгодную им систему обложения тех или иных предметов или те или иные монополии, и они сторицей возвратят то, что будет им стоить избрание.

И развращение это со всеми сопутствующими ему явлениями: с желанием избавиться от тяжелого труда и пользоваться выработанными другими удобствами и приятностями жизни, с недоступными занятому трудом человеку интересами и заботой об общегосударственных делах, с распространением лживых и озлобляющих людей газет и, главное, с враждой народов с народами, сословий с сословиями, людей с людьми, — развращение это росло и дошло в наше время до такой степени, что борьба всех людей друг против друга стала столь обычным явлением, что наука, та наука, которая занята оправданием всех гадостей, делаемых людьми, решила, что борьба и вражда всех против всех есть необходимое благодетельное условие человеческой жизни.

Тот мир, который древним народам, приветствовавшим друг друга словами: «мир вам», представлялся всегда как высшее благо, теперь совершенно исчез среди западных народов, и не только исчез, но люди стараются с помощью науки уверить себя, что не в мире, а в борьбе всех против всех высшее назначение человека.

И в действительности, среди западных народов ведется непрерывающаяся промышленная, торговая, военная борьба: борьба государства с государством, сословия с сословием, рабочих с капиталистами, партии с партиями, человека с человеком.

Но этого мало. Главным последствием этого участия во власти всех людей оказалось еще и то, что люди, всё более и более отвлекаясь от прямого труда земледелия и всё более и более вовлекаясь в самые разнообразные приемы пользования чужими трудами, лишились и своей независимости и уже самым положением своим приведены к необходимости безнравственной жизни. Не имея охоты и привычки кормиться трудами с своей земли, западные народы неизбежно должны были приобретать средства для своего существования от других народов. Приобретать же они могли эти средства только двумя путями: обманом, и то есть обменом большей частью ненужных и развращающих предметов, как алкоголь, опиум, оружие, на необходимые им предметы питания и насилем то есть грабежом народов Азии, Африки, везде, где они чувствуют возможность безнаказанно грабить.

Таково положение Германии, Австрии, Италии, Франции, Соединенных Штатов и в особенности служащей предметом подражания и зависти других народов Великобритании. Почти все люди этих народов, сделавшись сознательными участниками насилия, отдают свои силы и внимание на деятельность правительственную, промышленную и торговую, имеющую главной целью удовлетворение потребностей роскоши богатых, и становятся людьми — отчасти прямой властью, отчасти деньгами — властвующими над земледельческими народами, которые доставляют им предметы первой необходимости как в своем государстве, так и вне его.

Таково в некоторых государствах большинство, в некоторых еще меньшинство; но процент этих живущих чужими трудами людей неудержимо и с большой быстротой увеличивается в ущерб тех, которые еще трудятся разумным земледельческим трудом.

Так что уже теперь большинство народов западной Европы находятся в том положении (Соединенные Штаты не находятся еще в этом положении, но неудержимо идут к нему), что они не могут кормиться своим трудом на своей земле. Им надо, так или иначе, насилием или обманом, отбирать нужные для существования предметы у других, живущих еще независимо своими трудами народов. Они и делают это либо развращением чужих народов, либо грубым насилием.

При этом происходит (как это и не может быть иначе) то, что промышленность, ставя своей главной целью удовлетворение требований богатых и самого богатого из богатых лица — правительства, главные силы свои направляют не на улучшение труда земледельцев, а на возможность кое-как обрабатывать машинами большие пространства земли, отнятые у народа, на приготовление женских нарядов, роскошных дворцов, конфет, игрушек, автомобилей, табаку, вина, гастрономических предметов, лекарств, огромного количества печатной бумаги, пушек, ружей, пороха, ненужных железных дорог и т. п.

А так как никогда не может быть конца прихотям людским, когда они удовлетворяются не своими, а чужими трудами, то промышленность всё более и более занимается самыми ненужными, глупыми, развращающими людей производствами и всё больше и больше отвлекает людей от разумного труда; и конца этим выдумкам и приготовлениям потех для праздных людей не предвидится никакого, тем более, что чем глупее и развратнее изобретения, как заменяющие ноги и животных автомобили, подъемные на горы железные дороги или блиндированные автомобили с пулеметами, тем более довольны и гордятся ими как изобретатели, так и пользующиеся ими.

VII.

По мере продолжительности существования представительства и распространения его западные народы всё более и более оставляли земледелие и отдавали свои умственные и телесные силы на деятельность промышленную и

торговую для удовлетворения роскоши богатых классов, для борьбы народа с народом и для развращения неразвращенных людей. Так, в Англии, живущей долее других наций под представительным правлением, теперь уже менее одной седьмой только населения заняты земледелием, в Германии 0,45, во Франции половина; так и в других государствах.

Так что в настоящее время положение этих государств таково, что, если б они могли избавиться от бедствий пролетариата, они не могли бы существовать независимо от других стран. Все народы эти не могут сами кормиться своими трудами и всегда, как пролетарии от достаточных классов, находятся в полной зависимости от тех народов, которые кормят себя и могут продавать им свои избытки, как Индия, Россия, Австралия.

Англия на своей земле в настоящее время прокармливает менее одной пятой своего населения, Германия — менее половины, так же и Франция, так же и другие народы; и положение этих народов с каждым годом становится всё более и более зависимым от средств пропитания, доставляемых им другими народами.

Для того же, чтобы существовать этим народам, им необходимы те обманы и насилия, которые называются на их языке приобретением рынков и колониальной политикой, что они и делают, естественно стремясь всё дальше и дальше накидывать свои поработительные сети на людей, живущих еще разумной трудовой жизнью во всех частях света. Все они, соперничая друг с другом, всё сильнее и сильнее вооружаются и всё хитрее и хитрее под разными предлогами занимают у людей, живущих разумной жизнью, их земли и заставляют их кормить себя.

До сих пор они еще могут делать это. Но предел захвата рынков, обмана покупателей, продажи ненужных и вредных предметов и порабощения далеких народов уже виден. Люди далеких народов начинают уже сами развращаться, научаются делать сами для себя все те предметы, которые им доставляли западные народы, главное же, научаются нехитрой науке так же вооружаться и быть столь же жестокими, как их учителя.

Так что уже виден конец такого безнравственного существования. И люди западных народов видят этот конец и, чувствуя себя не в силах остановиться, спасаются, как это всегда делают люди, губящие свою жизнь и видящие это, — спасаются самообманом и слепой верой. И такая слепая вера всё более и более распространяется среди большинства западных народов. Вера эта состоит в том, что те изобретения, усовершенствования для увеличения удобств жизни богатых людей и все те изобретения средств борьбы с людьми, то есть убийства людей, которые в продолжение нескольких поколений были вынуждены изготавливать порабощенные рабочие, составляют нечто очень важное, почти священное, называемое на языке людей, поддерживающих такую жизнь, культурой или еще важнее цивилизацией.

И как у всякой веры была своя наука, так у веры в цивилизацию есть своя наука социология, цель которой одна: оправдание того ложного и безвыходного положения, в котором находятся теперь люди западного мира. Наука эта доказывает, что все те изобретения: броненосцы, телеграфы, нитроглицериновые бомбы, фотографии, электрические дороги и т. п. всякого рода одуряющие народ глупые и гадкие выдумки, предназначенные на увеличение удобств праздных людей и для защиты их силой, представляют из себя не только нечто хорошее, но и священное, predetermined высшими неизменными законами, и что поэтому самый разврат, который они называют цивилизацией, есть необходимое условие жизни людской и неизбежно должен быть усвоен всем человечеством.

И вера эта так же слепа, как и всякая вера, и так же непоколебима и самоуверенна.

Можно спорить и обсуждать всякие положения, но цивилизация, именно те изобретения и те формы жизни, в которых мы живем, и все те глупости и гадости, которые мы производим, есть несомненное благо, неподлежащее обсуждению. Всё, что нарушает веру в цивилизацию, — ложь; всё, что поддерживает эту веру, — священная истина.

Вот эта-то вера и эта наука этой веры и делают то, что западные люди, идя по своему гибельному пути, не желают видеть и признавать того, что этот путь ведет к неизбежному уничтожению тех, которые идут по нем. Самые же так называемые передовые из них веселят себя при этом мыслью, что они, не сворачивая с этого пути, придут не к гибели, а к величайшему благу. Они уверяют себя, что посредством того же насилия, которое привело их к их гибельному положению, сделается еще и то, что среди людей, стремящихся к наибольшему материальному, животному благу, как-то сами собой, под влиянием учения социализма, вдруг явятся люди, которые, обладая властью, но не развращаясь ею, установят такую жизнь, при которой люди, привыкшие к жадной эгоистической борьбе за свои выгоды, вдруг сделаются самоотверженными и все будут вместе на общую пользу работать и всем равно пользоваться.

Но и это верование, не имея никаких разумных оснований, в последнее время теряет всё больше и больше доверия среди мыслящих людей и держится только в массах рабочего народа, которому оно отводит глаза от бедствий настоящего, давая хоть какую-нибудь надежду на блаженное будущее.

Такова общая большинству западных народов вера, влекущая их к гибели. И влечение это так сильно, что голоса живших среди них мудрых людей, как Руссо, Ламенэ, Карлейль, Рёскин, Чаннинг, Гаррисон, Эмерсон, Герцен, Карпентер, не оставляют никакого следа в сознании людей, бегущих к гибели и не желающих видеть и признавать этого.

И вот на этот путь гибели приглашают теперь русский народ европейские политики, радуясь тому, что еще новый народ присоединится к их безвыходному

положению. И на тот же путь толкают его легкомысленные русские люди, находящие гораздо более удобным и простым, вместо того чтобы думать своим умом, рабски следовать тому, что в свое время, за сотни лет тому назад, еще не зная того, куда это приведет их, делали западные народы.

VIII.

Подчинение насилию привело как восточные, продолжающие повиноваться своим развращенным властителям народы, так и западные народы, распространившие власть и сопутствующее ей развращение среди народных масс, не только к великим бедствиям, но и к неизбежному столкновению западных народов с восточными — столкновению, угрожающему тем и другим народам еще большими бедствиями.

Западные народы, кроме своих внутренних бедствий и развращения большей части своего населения вследствие его участия во власти, приведены к необходимости обманом и насилием отнимать для своего пропитания труды восточных народов, чего они и достигают посредством выработанных ими известных приемов, называемых цивилизацией, дающих им для этого возможность, до тех пор пока восточные народы не научились тому же. Восточные народы, большинство их, до сих пор продолжают повиноваться своим правительствам и, отставая в выработке средств борьбы с западными народами, приведены к необходимости покоряться им.

Но некоторые из них уже теперь начинают выучиваться тому разврату цивилизации, которому обучают их европейцы, и, как это показали японцы, легко усваивают всю немудрую хитрость безнравственных и жестоких приемов цивилизации и готовятся теми же средствами, которые употреблялись против них, дать отпор своим угнетателям.

И вот русский народ, стоящий между теми и другими народами, усвоивший себе отчасти приемы Запада, но продолжавший до настоящего времени повиноваться своему правительству, самой судьбой поставлен в такое положение, при котором он должен остановиться и задуматься, с одной стороны, видя те бедствия, к которым вместе с восточными народами привело его повиновение деспотической власти, а с другой — видя то, что ограничение власти среди западных народов и распространение ее во всем народе не облегчило бедствий народа, а только привело людей этих народов и к развращению и к тому положению, в котором они должны жить обманом и грабежом других народов, русский народ, естественно, должен как-нибудь иначе изменить свое отношение к власти, а не так, как изменяли его западные народы.

Русский народ стоит теперь в положении сказочного богатыря на разделении двух дорог, одинаково ведущих к гибели.

Продолжать повиноваться своему правительству русскому народу уже невозможно: невозможно потому, что, раз освободившись от того престижа, который до сих пор окружал русское правительство, раз поняв, что большинство

испытываемых пародом бедствий происходит от правительства, русский народ уже не может перестать понимать причину испытываемых им бедствий и не желать освободиться от нее.

Не может, кроме того, продолжать повиноваться правительству русский народ еще и потому, что в действительности теперь правительства, такого правительства, которое дает досуг и спокойствие народу, уже не существует; есть только две озлобленные борющиеся партии, но того правительства, которому спокойно бы можно было повиноваться, уже нет теперь.

Продолжать теперь русскому народу повиноваться своему правительству — значит продолжать нести не только всё увеличивающиеся и увеличивающиеся бедствия, которые он терпел и терпит: обезземеление, голод, тяжелые подати, бесполезные, жестокие и губительные войны, но и, главное, принимать еще участие в тех злодеяниях, которые для своей защиты п. очевидно тщетно, совершает теперь это правительство.

Еще менее разумно русскому человеку вступить на путь западных народов, когда погибельность этого пути уже явно обозначилась. Явно неразумно было бы русскому народу поступить так, потому что западные народы могли избрать тот путь, который привел их к сознанию ложности его тогда, когда они не знали еще, к чему он приведет их; русский же народ не может не знать и не видеть этого.

Кроме того, вступая на этот путь, большинство людей запада были преимущественно люди, добывающие свои средства существования промышленностью, обменом, торговлей и рабовладельчеством прямым (неграми) или косвенным, как это происходит и теперь в европейских колониях; русский же народ — народ преимущественно земледельческий.

Вступить русскому народу теперь на тот путь, по которому шли западные народы, — значит сознательно совершать те же насилия, какие требует от него его правительство, только не за правительство, а против него, то есть грабить, жечь, взрывать, убивать людей, вести междоусобную войну и, совершая все эти злодеяния, знать, что совершаешь их теперь не по чужой, а по своей воле, и в конце концов достигнуть только того, чтобы, так же как и все западные народы, после вековой борьбы испытывать все те же главные бедствия, от которых он страдает теперь: лишение земли, тяжелые, всё растущие подати, государственные долги, увеличивающиеся вооружения и жестокие бессмысленные войны.

И, мало того, лишиться при этом, как и западные народы, своего главного блага — своей привычной, любимой земледельческой жизни, стать в безвыходное положение зависимости от чужих трудов. Да еще стать в это положение при самых невыгодных условиях, то есть бороться с западными народами промышленной и торговой борьбой с полной уверенностью быть побежденными. Погибель на том, погибель и на этом пути.

IX.

Что же делать русскому народу?

Ответ, казалось бы, самый естественный и простой, вытекающий из сущности самого дела; не делать ни того, ни другого, то есть не повиноваться ни своему правительству, которое довело его до настоящего бедственного состояния, ни устраивать себе по образцу западных народов такое же представительное, насильническое правительство, которое привело эти народы к еще худшему положению.

Ответ этот, самый простой и естественный, особенно свойствен русскому народу вообще и в особенности в его теперешнем положении.

Ведь в самом деле, можно только удивляться, для чего крестьянин-земледелец Тульской, Саратовской, Вологодской, Харьковской губернии, не получая никакой выгоды от своего подчинения правительству и только терпя от этого подчинения всякие бедствия в виде поборов, судов, отнимания земли, солдатчины, до сих пор не только покорялся правительству, но сам, делая противные своей совести дела, содействовал своему порабощению: давал подати, не зная и не спрашивая, на что они употребляются, давал своих сыновей в солдаты, еще менее зная, для чего нужны мучения и смерть этих, с таким трудом вскормленных и так необходимо нужных ему, работников.

Так же или еще более удивительно было бы то, чтобы такой живущий своей мирной независимой жизнью и совершенно не нуждающийся в правительстве земледелец, крестьянин, для того чтобы избавиться от тягостей, претерпеваемых им от насильнической ненужной ему власти, вместо того чтобы просто перестать повиноваться ей, стал посредством того самого насилия, от которого он страдает, заменять прежнюю насильническую власть новою, такою же насильническою, как это делал в свое время французский или английский крестьянин.

Ведь стоит только русским земледельческим людям перестать повиноваться какому бы то ни было насильническому правительству и перестать участвовать в нем, и тотчас уничтожились бы сами собой и подати, и солдатство, и все притеснения чиновников, и земельная собственность, и происходящие от нее бедствия рабочего народа. Уничтожились бы все эти бедствия, потому что некому бы было производить их.

Русский народ находится, для того чтобы поступить так, в исключительно выгодных для этого как исторических, так и экономических и религиозных условиях.

Первое условие то, что русский народ пришел к необходимости изменения своего отношения к власти тогда, когда ошибочность пути, по которому шли западные народы, с которыми он уже давно находится в самых тесных сношениях, выяснилась вполне.

Власть на западе совершила полный круг; люди западных народов, как и все народы, сначала допустили над собой насильническую власть, для того чтобы избавиться от борьбы, забот и греха власти. Когда же власть эта развратилась и стала тяжела, они захотели облегчить ее тяжесть ограничением ее, то есть участием в ней. Участие это, всё более и более распространяясь, сделало то, что всё большее и большее количество людей стало участвовать во власти. И кончилось тем, что люди, допустившие власть для того, чтобы быть свободными от борьбы и участия во власти, были в большинстве своем приведены к необходимости участия в борьбе и власти и к необходимому последствию, сопутствующему власти, — к развращению.

Выяснилось вполне, что мнимое ограничение власти есть только перемена властителей и увеличение их числа и вследствие этого увеличение развращения, раздражения и озлобления людей. (Власть как была, так и осталась властью немногих худших над большинством лучших людей.) Выяснилось еще и то, что увеличение числа участников власти отвлекло людей от свойственного всем людям труда земледелия и привело их к производству и перепроизводству фабричным трудом предметов ненужных и вредных и принудило большинство западных народов основать свою жизнь на обмане и порабощении других народов.

То, что всё это вполне выяснилось в наше время на жизни западных народов, в этом первое выгодное условие, в котором находится русский народ, только теперь переживающий момент необходимости изменения своего отношения к власти.

Русскому народу идти теперь на тот путь, по которому шли западные народы, всё равно, что путешественнику идти на тот ложный путь, на который сбились его предшественники и с которого уже возвращаются ему навстречу наиболее проницательные из сбившихся на ложный путь людей.

Второе условие то, что, в то время как все западные народы более или менее оставили уже или оставляют земледелие и живут преимущественно промышленной и торговой жизнью, русский народ приведен к необходимости изменения своего отношения к власти тогда, когда он живет еще в огромном большинстве своем земледельческой жизнью, любит ее, дорожит ею, так что большинство русских людей, оторвавшихся от земледельческой жизни, всегда готовы вернуться к ней при первой возможности.

Условие это особенно важно для русских людей при освобождении себя от зла власти, так как при земледельческой жизни люди менее всего нуждаются в правительстве или, скорее, земледельческая жизнь менее всякой другой дает правительству поводы вмешательства в жизнь народа. Я знаю земледельческие общины, которые уходили на дальний восток, селились в таких местах, где не было ясной, определенной границы Китая и России, и, не имея дела ни с каким

правительством, жили и благоденствовали, пока не бывали открыты русскими чиновниками.

Люди городские обыкновенно смотрят на земледельческую жизнь как на одно из низших занятий, которым человек может отдавать свои силы. А между тем огромное большинство людей всего мира занято земледелием, и на этом занятии держится возможность существования всех остальных людей. Так что в действительности род человеческий состоит только из земледельцев. Все же остальные люди: министры, слесаря, профессора, плотники, художники, портные, ученые, лекаря, генералы, солдаты — суть только или слуги или паразиты земледельцев. И потому земледелие, кроме того что составляет самое нравственное, здоровое, радостное и нужное занятие, есть и высшее из всех занятий людских и одно дает людям истинную независимость.

Русский народ в своем огромном большинстве живет еще этой самой естественной, самой нравственной и независимой земледельческой жизнью, и это-то и составляет второе, великой важности условие, по которому русскому народу, придя к необходимости изменения своего отношения к власти, возможно и естественно изменить его только в смысле освобождения себя от зла всякой власти посредством простого прекращения повиновения какому бы то ни было правительству.

Таковы два первые условия. Оба эти условия внешние.

Третье же условие — внутреннее — состоит в той религиозности, которая по данным и русской истории, и по наблюдению иностранцев, изучавших русский народ, и, главное, по собственному внутреннему сознанию всякого русского человека составляло и составляет исключительную черту характера русского народа.

В Западной Европе, вследствие ли того, что Евангелие, печатавшееся на латинском языке, было недоступно народу до реформации и осталось недоступно во всем католическом мире, или вследствие утонченности средств, употребленных папизмом для скрытия от народа истинного христианства, вследствие ли особенного практического характера этих народов, несомненно то, что сущность христианства давно уже не только в католичестве, но и в лютеранстве и тем более в англиканстве перестала быть верой, руководящей в жизни, заменилась или внешними обрядами или в высших сословиях индифферентизмом и полным отрицанием всякой религии.

Между тем, в русском народе, во всем огромном большинстве его, вследствие ли того, что Евангелие стало доступно ему еще в X столетии, вследствие ли грубости и тупости византийско-русской церкви, неумело и потому неуспешно старавшейся скрыть христианское учение в его истинном смысле, вследствие ли особенных черт характера русского народа и его земледельческой жизни, христианское учение в его приложении к жизни не переставало и до сих пор

продолжает быть главным руководителем жизни русского народа в его огромном большинстве.

С самых древних времен и до нашего времени христианское понимание жизни проявлялось и до сих пор проявляется в русском народе самыми разнообразными и только русскому народу свойственными чертами.

Проявляется оно и в признании братства и равенства всех людей каких бы то ни было пород и народов, и в полной веротерпимости, и в неосуждении преступников, а в признании их несчастными; и в вошедшем в обычай в известные дни испрашивания друг у друга прощения, даже в обычном выражении: «прощайте» и «простите», и при всяком расставании с человеком; в распространенном среди народа не только милосердии к нищенству, но уважения к нему; в той, часто грубо проявляющейся, готовности полной жертвы всем во имя того, что считается религиозной истиной, как это выражалось и выражается до сих пор и в самосожигателях, и в скопчестве, и даже в недавних случаях зарывания себя живыми в землю.

Такое же христианское отношение проявлялось всегда в русском народе и к власти. Народ всегда предпочитал покорность власти участию в ней, всегда считал и считает грехом, а никак не желательным положение властвующих. В этом христианском отношении русского народа к жизни вообще и, в особенности к власти, и заключается то третье и самое важное условие, по которому русскому народу в его теперешнем положении проще и естественнее всего сделать то, чтобы, продолжая жить своей обычной земледельческой, христианской жизнью, не принимать никакого участия ни в старой власти, ни в борьбе между старой и новой.

Таковы те три особенные от западных народов условия, в которых находится русский народ в теперешнее важное для него время. Условия эти, казалось, должны бы были побудить его к избранию самого простого выхода из своего положения, состоящего в непризнании и неповиновении ни той, ни другой, никакой насильнической власти. А между тем русский народ в теперешнее трудное и важное для него время не только не избирает этого естественного для него выхода, а, колеблясь между тем и другим, правительственными и революционными насилиями, начинает даже в лице своих худших представителей принимать участие в насилиях и как будто готовится идти по тому гибельному пути, по которому шли западные народы. Отчего это?

Х.
Отчего происходит и произошло такое удивительное явление; что люди, страдая от злоупотреблений власти, которую они сами допускают и поддерживают, не делают того, что самым простым и легким способом избавляет их от всех бедствий власти, — не перестают просто повиноваться ей? И не только не делают этого, но продолжают делать то самое, что лишает их телесного и

духовного блага, или продолжая повиноваться существующей власти или устанавливая такую же новую насильническую власть и повинаясь ей?

Отчего это? Люди чувствуют, что бедственность их положения происходит от насилия, смутно сознают, что, для того чтобы им освободиться от своих бед, им нужна свобода, но удивительное дело — для того чтобы избавиться от насилия и приобрести свободу, ищут и употребляют и придумывают самые разнообразные средства: бунты, перемену властителей, переустройство правлений, всякого рода конституции, установление новых отношений между государствами, колониальную политику, организацию пролетариата, тресты, социалистическое устройство — всё, но только не то одно, что проще и легче всего и наверное избавляет их от всех бедствий: прекращение повиновения власти.

Казалось, должно бы быть совершенно ясно людям, не лишенным рассудка, что насилие производит насилие, что единственное средство избавления от насилия только в неучастии в нем. Средство это, казалось бы, совершенно очевидно. Совершенно очевидно, что люди, большее количество людей, могут быть порабощены малым количеством людей только потому, что порабощенные люди сами участвуют в своем порабощении.

Если народы порабощены, то они порабощены только потому, что они или боролись насилием с насилием или принимали участие в насилии ради своих личных выгод.

Люди, не борющиеся с насилием и не принимающие участия в нем, так же не могут быть порабощены, как не может быть разрезана вода.

Они могут быть ограблены, лишены возможности двигаться, изранены, убиты, но они не могут быть порабощены, то есть принуждены поступать противно своей разумной воле.

Так это с отдельными людьми и то же с народами. Если бы двести миллионов индусов не повиновались бы власти, требующей от них участия в насилиях, всегда связанных с убийством: не шли бы в солдаты, не давали бы податей на дела насилия, не льстились бы на предоставленные им насильниками отобранные от них же выгоды, не повиновались бы вводимым среди них английским законам, то не только пятьдесят тысяч англичан, но и все англичане вместе не могли бы поработить Индию, если бы индусов было не 200 миллионов, а одна тысяча. Точно так же и с поляками, чехами, ирландцами, бедуинами и всеми покоренными народами. То же и с рабочими, порабощенными капиталистами. Никакие капиталисты в мире не могли бы поработить рабочих, если бы сами рабочие не помогали им, не содействовали своему порабощению.

Всё это так очевидно ясно, что совестно говорить про это. А между тем разумно рассуждающие во всех других условиях жизни люди не только не видят этого и не делают того, что указывает им разум, а делают всё совершенно противное и разуму и своей выгоде.

«Не могу я начать делать первый то, что никто не делает, — говорит каждый. — Пускай начнут другие, и тогда и я перестану повиноваться власти». И то же говорит и другой, и третий, и все.

Все под предлогом, что никто не может начинать первый, не делают того, что для всех несомненно выгодно, а продолжают делать то, что всем невыгодно и вместе с тем неразумно и противно природе людей.

Никто не хочет перестать повиноваться власти для того, чтобы не подвергнуть себя преследованию власти, зная, что, повинаясь власти, он будет подвергаться на войнах и междоусобиях всякого рода гораздо худшим бедствиям. Отчего это?

А оттого, что люди, подчиняющиеся власти, не рассуждают, а действуют под влиянием того, что всегда было одним из самых распространенных двигателей поступков людей, того, что особенно подробно исследовано и выяснено в последнее время и называется внушением или гипнозом.

Гипноз этот, препятствующий людям делать то, что свойственно их разумной природе и всем им выгодно, и заставляющий их делать неразумное и невыгодное, состоит в признании того, что те насилия, которые совершаются людьми, называющими себя государственной властью, не суть просто безнравственные поступки безнравственных людей, а есть проявление деятельности некоего особенного, таинственного, священного существа, называемого государством, без которого никогда не существовали люди (что совершенно несправедливо) и не могут существовать.

Но как, каким образом могут разумные существа — люди подчиняться такому удивительному, противному разуму, чувству и выгоде людей внушению?

Ответ на этот вопрос тот, что подлежат гипнозу, внушению не только дети, душевно больные и идиоты, но и все люди в той мере, в которой ослабляется в них религиозное сознание, то есть сознание своего отношения к тому высшему началу, от которого зависит их существование. Большинство же людей нашего времени всё больше и больше становится лишенным этого сознания.

Лишено же в наше время большинство людей этого сознания потому, что люди, раз совершив грех подчинения себя человеческой власти, не признали этого греха грехом, а, стараясь то скрыть от самих себя, оправдать эту ошибку, возвеличили ту власть, которой они подчинялись, и довели ее до того, что власть эта заменила для них закон божеский. Когда же закон человеческий заменил закон божеский, люди лишились религиозного сознания, подпали государственному гипнозу, состоящему во внушенной им иллюзии, что люди, порабащивающие их, не суть просто заблудшие, порочные люди, а суть представители того мистического существа — государства, без которого будто бы не могут жить люди.

Совершился ложный круг: подчинение власти ослабило и отчасти уничтожило в людях религиозное сознание, а ослабление и и утрата религиозного сознания подчинили людей человеческой власти.

Начало греха власти было такое: насильники сказали насилуемым: «Исполняйте то, что мы будем требовать от вас: за неисполнение наших велений мы убьем вас. Если же вы будете повиноваться, устроим у вас порядок и защитим вас от других насильников».

И насилуемые, для того чтобы им можно было жить своей привычной жизнью и не бороться ни с этими, ни с другими насильниками, как бы сказали: «Хорошо, мы будем повиноваться а вам; устраивайте какие хотите порядки, мы будем поддерживать эти порядки, только бы нам можно было спокойно жить и кормиться с своими семьями».

Насилующие не видали своего греха из-за увеличения и выгод власти. Насилуемые же думали, что не совершают греха, покоряясь насильникам, так как им казалось, что покорность их лучше борьбы. Но в этой покорности был грех, и грех был не менее греха тех, которые производили насилия. Если бы насилуемые переносили все тяжести, побои, жестокости, не признавая законности власти насильников, не обещаясь повиноваться им, они бы не совершили греха. Но в обещании повиновения власти заключался грех, такой же грех, как и грех властвующих.

В обещании повиновения насильнической власти, в признании ее законности был двойной грех, во-первых, тот, что покорившиеся насильникам люди, для того чтобы избавиться от греха борьбы, допускали этот грех в тех, кому они покорялись, и другой грех — тот, что они отрекались от своей истинной свободы, то есть покорности воле Бога, обещаясь во всяком случае повиноваться власти. А такое обещание, включая в себя допущение, при противоречии требований власти с законом Бога; возможность неповиновения Богу, обещание повиновения человеческой власти было отречение от воли Бога, потому что насильническая власть государства, требуя от подчиняющихся участия в убийствах, в войнах, казнях, в законах, утверждающих приготовления к войнам и казням, в основе своей находится в прямом противоречии с волей Бога.

И потому люди, повинующиеся власти, этим самым повиновением отрицают свое повиновение закону Божию. Нельзя немножко в одном отступить, а в другом удержать закон Бога. Ясно, что если в одном чем-нибудь закон Божий может быть заменен законом человеческим, то закон Бога уже не закон высший, всегда обязательный; а если он не такой, то и нет его.

Лишаясь же руководства закона Бога, то есть высшего человеческого свойства, люди неизбежно опускаются на ту низшую ступень человеческого существования, при которой мотивами их деятельности становятся только личные страсти и то внушение, которому они подвергаются.

В таком положении покорности внушению, необходимости повиновения государству находятся все народы, живущие в соединениях, называемых государствами. В таком же положении находится и русский народ.

От этого-то и происходит то кажущееся столь странным явление, что сто миллионов земледельческого русского народа, составляющего такое большинство, что может быть названо всем русским народом, не нуждающихся ни в каком правительстве, не избирают того естественного и наилучшего выхода из своего положения, состоящего в простом прекращении повиновения всякой насильнической власти, а, продолжая участвовать в старом правительстве, всё больше и порабощают сами себя или, борясь с этим правительством, готовят себе новое, такое же как и прежнее, насильническое правительство.

XI.

Часто приходится слышать и читать рассуждения о причинах того раздраженного, непрочного и грозящего всякого рода опасностями положения всех христианских народов и того ужасного положения, в котором находится теперь ошалевший, озверевший в некоторых своих частях русский народ. Причины приводятся самые разнообразные. А между тем все причины могут быть сведены к одной. Люди забыли Бога, то есть забыли про свое отношение к бесконечному Началу жизни, забыли про вытекающее из этого отношения назначение каждого человека, состоящее прежде всего в исполнении для себя, для своей души закона, положенного этим Началом-Богом. Забыли про это вследствие того, что одни признали за собой право властвовать над людьми посредством угрозы убийства, а другие согласились повиноваться этим людям и участвовать в их властвовании. Признав же это, люди самым делом отреклись от Бога и заменили Его закон законом человеческим.

Забыв же про свое отношение к Бесконечному, люди, несмотря на всю утонченность произведений рассудка, спустились в своем большинстве на низшую степень сознания, на ту степень, на которой они руководимы только животными страстями и стадным внушением.

От этого все бедствия.

И потому избавление от бедствий, которыми сами себя мучают люди, — в одном: в восстановлении в себе сознания своей зависимости от Бога и вытекающего из этого сознания разумного и свободного отношения к себе и своим ближним.

И вот это-то сознательное подчинение Богу и, вследствие его, прекращение греха власти и подчинение ей и предстоит теперь всем народам, страдающим от последствий своего греха.

И возможность и необходимость этого прекращения повиновения человеческой власти и возвращения к закону Бога смутно чувствуется всеми людьми и особенно живо теперь русским народом. И в этом смутном сознании и

прекращения повиновения власти человеческой — сущность того движения, которое происходит теперь в России.

То, что совершается теперь в русском народе, не есть, как это представляется многим, восстание народа против своего правительства для замены одного правительства другим, а есть гораздо большее и значительнейшее явление. То, что двигает теперь русским народом, есть смутное сознание незаконности, неразумности всякого насилия, насилия вообще, и возможности и необходимости установления жизни, основанной не на насильнической власти, какой она была до сих пор во всех народах, а на разумном и свободном согласии.

Совершит ли русский народ это великое предстоящее ему дело или, пойдя по пути западных народов, лишится этой возможности и предоставит другому, более счастливому восточному народу быть руководителем людей в предстоящем всему человечеству деле освобождения от подмены божеской власти властью человеческой, но несомненно то, что в наше время всё яснее и яснее сознается всеми народами возможность замены насильнической, безумной и злой жизни жизнью свободной, разумной и доброй. А что есть в сознании, то неизбежно осуществится в действительности. Сознание людей есть проявление воли Бога, а воля Бога должна и не может не совершиться.

ХII.

«Но разве возможна общественная жизнь без власти? Без власти люди не переставая грабили бы и убивали друг друга», говорят люди, верующие только в закон человеческий.

Такие люди искренно убеждены, что воздерживаются от преступлений и живут добропорядочной жизнью люди только потому, что есть закон, суды, полиция, администрация, войско и что без власти правительства общественная жизнь стала бы невозможной.

Людям, развращенным властью, кажется, что так как некоторые совершаемые в государстве преступления сопровождаются карами правительства, то именно эти-то кары и удерживают людей от тех преступлений, которые могли бы еще быть совершены. Но то, что правительство карает некоторые преступления, совсем не доказывает того, что существование судов, полиции, войска, тюрем и казней удерживает людей от всех тех преступлений, которые люди могли бы совершить. То, что количество совершаемых в обществе преступлений совершенно не зависит от карающей деятельности правительства, с полной очевидностью доказывается тем, что при известном настроении общества никакие усиленные карательные меры правительств не могут остановить совершение самых смелых, жестоких и нарушающих безопасность общества преступлений, как это происходило при всех революциях и как это с поразительной очевидностью происходит теперь в России.

Происходит это потому, что люди — большинство народа^ весь рабочий народ — воздерживаются от преступлений и живут доброй жизнью не оттого, что есть полиция, войско, казни, а оттого, что существует общее большинству людей нравственное сознание, устанавливаемое общим религиозным пониманием людей и основанное на этом понимании воспитанием, обычаями, общественным мнением.

Только это нравственное сознание, выражаемое общественным мнением, и удерживает людей от преступлений и в городских центрах и в особенности в селах, где живет большинство « населения.

Я знаю многие примеры русских земледельческих общин, выселявшихся на дальний восток и живших и благоденствовавших там десятки лет. Общины эти управлялись сами собой, будучи неизвестны правительству, и вне воздействия его, и при открытии их агентами правительства только испытали новые, неизвестные им прежде бедствия и получили новую склонность к преступлениям.

Деятельность правительств не только не удерживает людей от преступлений, а, напротив, всегда расшатывая и понижая нравственный уровень общества, увеличивает их количество. И это не может быть иначе, так как правительства всегда и везде по самому призванию своему необходимо должны ставить на место высшего, обязательного для всех, не писанного в книгах, а написанного в сердцах людей вечного, религиозного закона свои, писанные людьми и имеющие целью не общее благо, не справедливость, а вызванные политическими, внутренними и внешними соображениями несправедливые законы.

Таковы все существующие во всех правительствах явно несправедливые основные законы: законы об исключительном праве малой части людей на общую всем землю, законы о праве одних людей на труд других, об обязанности людей давать деньги на цели убийства или самим идти в солдаты и воевать, законы о монополиях на одуряющую отраву, или о запрещении обмениваться предметами труда через известную черту, называемую границей, или о казнях людей за поступки не безнравственные, но такие, которые невыгодны властвующим.

Все эти законы, требования под угрозой насилия исполнения их и публичные казни, совершаемые за неисполнение законов и, главное, требование участия в войнах и обычное восхваление военных убийств и приготовлений к ним — всё это неизбежно понижает уровень нравственного сознания общества и выражающее его общественное мнение.

Так что правительственная деятельность не только не поддерживает нравственность, а, напротив, трудно придумать более развращающее воздействие на народы, чем то, которое совершалось и совершается всегда и всеми правительствами.

Никогда никаким злодеям из простых людей не могло бы прийти в голову совершать все те ужасы костров, инквизиций, пыток, грабежей, четвертований, вешаний, одиночных заключений, убийств на войнах, ограблений народов и т. п., которые совершались и совершаются всеми правительствами, и совершаются торжественно.

Все ужасы Стеньки Разина, Пугачевщины и т. п. суть только последствия и слабые подражания тех ужасов, которые производили Иоанны, Петры, Бироны и которые постоянно производились и производятся всеми правительствами. Если деятельность правительств заставляет воздерживаться — что очень сомнительно — десятки людей от преступлений, то сотни тысяч преступлений совершаются людьми только потому, что люди воспитываются для преступлений правительственными несправедливостями и жестокостями.

Если люди, участвующие в правительствах, торговые, промышленные, городские, тем или иным путем пользующиеся выгодами, даваемыми властью, еще могут верить в благодетельность власти, то люди земледельческие не могут не знать, что правительство причиняет им только всякого рода страдания я лишения, но никогда не было им нужно и только развращало тех из его членов, которые подвергались его влиянию.

Так что доказывать людям, что они не могут жить без правительства и что тот вред, который им сделают воры и грабители, живущие среди них, больше того вреда, как материального, так и духовного, который, угнетая и развращая их, постоянно производят среди них правительства, так же странно, как было странно во время рабства доказывать рабам, что им выгоднее быть рабами, чем свободными. Но как и тогда, несмотря на очевидность для рабов бедственности их положения, рабовладельцы доказывали и внушали, что рабам полезно быть рабами и что им будет хуже, если они будут свободны (иногда и сами рабы поддавались внушению и верили в это), так и теперь правительства и люди, пользующиеся их выгодами, доказывают, что правительства, грабящие и развращающие людей, необходимы для их блага, и люди поддаются этому внушению.

И люди верят в это, не могут не верить, потому что, не веря в закон божеский, они вынуждены верить в закон человеческий. Для них отсутствие закона человеческого есть отсутствие всякого закона, а жизнь людей, не признающих никакого закона, ужасна, и потому для людей, не признающих закона Бога, отсутствие человеческой власти не может не быть страшно, и они не хотят расстаться с нею.

От этого же неверия в закон Бога и происходит и то кажущееся странным явление, что все теоретики-анархисты, люди ученые и умные, начиная от Бакунина, Прудона и до Реклю, Макса Штирнера и Кропоткина, неопровержимо верно и справедливо доказывая неразумность и вред власти, как скоро начинают говорить о возможности устройства общественной жизни без того человеческого закона, который они отрицают, так тотчас же впадают в неопределенность,

многословие, неясность, красноречие и совершенно фантастические, ни на чем не основанные предположения.

Происходит это оттого, что все теоретики-анархисты эти не признают того общего всем людям закона Бога, которому свойственно подчиняться всем людям, а без подчинения людей одному и тому же закону — человеческому или божескому — не может существовать человеческое общество.

Освобождение от человеческого закона возможно только под условием признания общего всем людям закона божеского.

XIII.

«Но если и могут первобытные земледельческие общины, в роде теперешних русских, жить без правительства, — скажут на это, — то как же жить тем миллионам людей, которые уже оставили земледелие и живут в городах промышленной жизнью? Не могут же все люди быть земледельцами».

Только земледельцами и могут быть все люди — совершенно верно отвечает на это возражение Генри Джордж.

«Но если бы все люди вернулись теперь к земледельческой жизни и стали жить без правительственной власти, — говорят еще, — то уничтожилась бы та цивилизация, до которой достигло человечество, а это было бы величайшим бедствием, и потому возвращение к земледельческой жизни было бы не благом, а злом для человечества».

Существует употребительный людьми прием для оправдывания своих заблуждений. Прием этот состоит в том, что люди, считая неопровержимой аксиомой то заблуждение, в котором они находятся, самое заблуждение это со всеми происшедшими от него последствиями соединяют в одно понятие и слово и понятию и слову этому приписывают особенное, неопределенное мистическое значение.

Таковы понятия и слова: церковь, наука, право, государство и цивилизация. Так, церковь не есть то, что она есть, то есть собрание некоторых людей, подпавших одному и тому же заблуждению, а есть собрание истинно верующих; право не есть собрание несправедливых законов, составленных некоторыми людьми, но есть определение тех справедливых условий, при которых только и могут жить люди.

Наука не есть то, что она есть: случайные рассуждения, которыми в данное время заняты праздные люди, а есть единое истинное знание. Точно так же и цивилизация не есть то, что она есть действительно: вытекающая из насилия власти, ложно и вредно направленная деятельность западных народов, подпавших обману освобождения от насилия насилием, а есть несомненно верный путь к будущему благу человечества.

«Если и правда, — скажут защитники цивилизации, — что все те изобретения, технические приспособления, промышленные произведения, которыми пользуются теперь только люди богатых классов, недоступны теперь рабочим людям и потому в настоящем никак не могут рассматриваться как благо для всего человечества, то происходит это только оттого, что все эти технические приспособления не достигли еще того совершенства, которого должны достигнуть, и распределены еще не так, как должно.

Когда же техника машин еще более усовершенствуется, и рабочие освободятся от власти капиталистов, и все заводы, фабрики будут в их руках, тогда машины будут производить так много всего и так всё это будет хорошо распределено, что все будут пользоваться всем, так что никто ни в чем не будет нуждаться, и все будут благоденствовать».

Но не говоря уже о том, что нет никакой причины предполагать, что те самые рабочие, которые теперь жадно борются друг с другом не только за существование, но за большие удобства, удовольствие и роскошь существования, вдруг сделаются так справедливы и самоотвержены, что будут довольствоваться равной долей благ, предоставляемых им машинами; не говоря об этом, самое предположение о том, что при уничтожении власти правительства и капитала все те заводы с своими машинами, которые могли возникнуть и могли существовать только при власти правительства и капитала, останутся такими же, как они теперь, — самое предположение это совершенно произвольно.

Предполагать, что это так будет, всё равно, что предполагать, что после освобождения крепостных в роскошном барском имении с парком, оранжереями, беседками, домашним театром, оркестром, картинной галереей, конюшнями, охотами, кладовыми, полными разных одежд, все эти блага будут отчасти разделены освобожденными крестьянами между собою, отчасти сохранены для общественного пользования.

Казалось бы очевидно, что в таком барском имении ни лошади, ни одежды, ни оранжереи богатого барина не могут пригодиться освобожденным крестьянам, и они не станут поддерживать их, так и при освобождении рабочих от власти правительства и капитала не станут рабочие поддерживать то, что возникло при той власти, и освобожденные рабочие не пойдут работать на заводы и фабрики, которые могли возникнуть только при их порабощении, хотя бы эти заведения могли быть и выгодны и приятны для них.

Правда, что жалко будет при освобождении рабочих от их рабства тех хитроумных машин, которые так скоро и много ткнут прекрасных материй или делают такие хорошие конфеты и зеркала и т. п., но так же жалко было и при освобождении крепостных прекрасных скаковых лошадей, и картин, и магнолий, и музыкальных инструментов, и театров, но как освобожденные крепостные заводили своих сообразных своей ЖИЗНИ домашних животных и свои нужные им растения, а сами собой уничтожились и скаковые лошади и магнолии, так же

и рабочие, освобожденные от власти и правительства и капитала, направят свои силы на совсем другие работы, чем прежде.

«Но ведь гораздо выгоднее печь все хлеба в одной печи, чем каждому топить свою, и гораздо выгоднее ткать в 20 раз скорее на фабрике, чем на домашнем станке», и т. п., — говорят защитники цивилизации, точно как будто бы люди бессловесная скотина, по отношению которой все вопросы решаются пищей, одеждой, жилищем, большим или меньшим трудом.

Австралийский дикарь очень хорошо знает, что выгоднее огородить один шалашик для себя и для жены, а он городит два, для того чтобы и он и жена могли пользоваться одиночеством. Знает и твердо знает русский крестьянин, что выгоднее жить одним домом с отцом и братьями, а выделяется, строит свою избу и предпочитает терпеть нужду, чем повиноваться старшим или браниться и ссориться. «Щей горшок, да сам большой».

Я думаю, и большинство разумных людей предпочтут сами чистить себе платье, сапоги, носить воду и заправлять лампу чем, хоть по одному часу в день идти на фабрику работать обязательную работу для приготовления всех машин, исполняющих эти дела.

Не будет насилия, и от этих прекрасных машин, не только чистящих сапоги и вытирающих посуду, но и прорезывающих туннели и сдавливающих сталь и т. п., едва ли что-нибудь останется. Освобожденные рабочие неизбежно дадут разрушиться всему тому, что возникло на их рабстве, и неизбежно начнут: заводить совсем другие машины и приспособления с другими целями и в других размерах и в совершенно другом распределении.

Это так ясно и очевидно, что люди не могли бы не видеть этого, если бы не были одержимы суеверием цивилизации.

Вот это-то распространенное и утвердившееся суеверие и делает то, что всякое указание на то, что тот путь, по которому идет жизнь западных народов, неверен, и всякая попытка вернуть заблудших людей к разумной и свободной жизни не только не принимается, но рассматривается как некоторого рода кощунство или безумие.

Эта-то слепая вера в то, что та жизнь, которую мы устроили себе, и есть наилучшая жизнь, и делает то, что все главные деятели цивилизации: государственные люди, ученые, художники, торговцы, фабриканты, писатели, заставляя рабочих поддерживать свою праздную жизнь, не видят своего греха и вполне уверены, что их деятельность не есть то, что она есть в действительности — деятельность безнравственная и вредная, а, напротив, есть деятельность очень полезная и важная, и что поэтому они очень важные и полезные для всего человечества люди, и что все те пустяки, глупости «о и гадости, которые производятся под их руководством, как-то:

пушки, крепости, синематографы, храмы, автомобили, разрывные бомбы, фонографы, телеграфы, скоропечатные машины, выпускающие горы бумаги с напечатанными на ней гадостями, ложью и глупостями, останутся такие же и при свободных рабочих и всегда будут составлять великое благо для человечества.

А между тем для людей свободных от суеверия цивилизации не может не быть совершенно ясно, что все те условия жизни, которые у людей западных народов называются теперь цивилизацией, суть не что иное, как уродливые произведения самодурства высших, властвующих классов, каковы были произведения деспотов египетских, вавилонских, римских: пирамиды, храмы, серали; каковы были произведения русских бар: дворцы, крепостные оркестры, театры, пруды, кружева, охоты, парки, устраиваемые рабами для своих господ.

Говорят, что прекращение повиновения правительству и возвращение к земледельческой жизни уничтожит все успехи промышленности, до которых достигли люди, и что поэтому прекращение повиновения власти и возвращение к земледельческой жизни будет дурно. Но нет никакой причины думать, что возвращение людей к безвластию и земледельческой жизни уничтожит все успехи промышленности, действительно полезные людям и не требующие рабства людей.

Если же прекращение повиновения власти и возвращение к земледельческой ЖИЗНИ и уничтожит производство того бесконечного количества ненужных, глупых и вредных вещей, которыми занята теперь значительная часть человечества, уничтожит и возможность существования тех праздных людей, которые придумывают все эти ненужные и вредные вещи и оправдывают ими свое безнравственное существование, то уничтожение этих предметов и людей не будет уничтожением всего, выработанного человечеством для своего блага.

Напротив, уничтожение всего, поддерживаемого насилием, выдвинет и вызовет усиленное производство всех тех полезных и нужных технических усовершенствований, которые, не обращая людей в машины и не губя их жизни, могут облегчить труд и украсить жизнь земледельцев.

Разница будет только в том, что при освобождении людей от власти и возвращении к земледельческому труду предметы, производимые искусством и промышленностью, не будут иметь целью, как теперь, потеху богатых людей, праздное любопытство, приготовление к убийству ИЛИ сохранение, в ущерб полезных жизней, жизней ненужных и вредных или изобретения машин, посредством которых можно кое-как производить малым числом рабочих большое количество предметов или обрабатывать большие пространства земли, а будут производить только те предметы, которые могут увеличить производительность труда земледельцев, обрабатывающих своими руками свои земельные участки, и могут содействовать улучшению их жизни, не отрывая их от земли и не нарушая их свободы.

XIV.

Но как же будут жить люди, не повинующиеся человеческой власти? Как они будут заведывать своими общественными делами? Что будет с государствами? Что станет с Ирландией, Польшей, Финляндией, Алжиром, Индией, вообще с колониями? В какие соединения сложатся народы?

Такие вопросы делают люди, привыкшие думать, что условия жизни всех людских обществ определяются волей и распоряжениями нескольких, и потому предполагающие, что знание того, как сложится будущая жизнь общества, доступно людям. А, между тем, знание это никогда не было и не может быть доступно людям.

Если бы спросили у самого ученого и образованного римского гражданина, привыкшего думать, что жизнь мира определяется решением римского сената и императоров о том, чем будет римский мир через несколько столетий, или если бы он сам задумал написать такую же книгу, как Беллами и подобные ей, то можно наверно сказать, что он никак не мог бы предсказать хоть приблизительно ни варваров, ни феодализм, ни папства, ни распада и обратного соединения народов в большие государства. Таковы же и те картины с летающими машинами, икс-лучами, электрическими двигателями и социалистическим устройством ЖИЗНИ людей двухтысячного века, которые с такой смелостью рисуют себе Беллами, Моррисы, Анатоли Франсы и др.

Мало того что людям не дано знать, в какую форму сложится в будущем жизнь общества: людям бывает нехорошо оттого, что они думают, что могут знать это. Нехорошо потому, что ничто так не препятствует правильному течению жизни людей, как именно это мнимое знание о том, какова должна быть будущая жизнь людей.

Жизнь отдельных людей и обществ только с тем и состоит, что люди и общества идут к неведомому, не переставая, изменяясь не вследствие составления рассудочных планов некоторых людей о том, каково должно быть это изменение, а вследствие вложенного во всех людей стремления приближения к нравственному совершенству, достигаемому бесконечно разнообразной деятельностью миллионов и миллионов человеческих жизней.

И потому те условия, в которые станут между собою люди, те формы, в которые сложится общество людей, зависят только от внутренних свойств людей, а никак не от предвидения людьми той или иной формы жизни, в которую им желательно сложиться.

А между тем люди, неверующие в закон Бога, всегда воображают, что они могут знать, какое должно быть будущее состояние общества, и не только определяют это будущее состояние, но и совершают всякого рода дела, ими же самими признаваемые дурными, для того чтобы общество людей было именно таким, каким они считают, что оно должно быть.

То, что другие люди несогласны с ними и полагают, что жизнь общества должна быть совсем иная, не смущает их, и люди, уверившись в том, что они могут знать, каким должно быть будущее общество, не только отвлеченно решают, но действуют, сражаются, отнимают имущество, запирают в тюрьмы, убивают людей, для того чтобы установить такое устройство общества, при котором, по их мнению, люди будут счастливы.

Старое рассуждение Каиафы: «лучше погибнуть одному человеку, чем всему народу», неопровержимо для таких людей. Как не убить не только одного человека, но сотни, » тысячи людей, если мы твердо уверены, что смерть этих тысяч даст благо миллионам. Люди, не верящие в Бога и закон Его, не могут рассуждать иначе. Такие люди живут, повинаясь только своим страстям, своим рассуждениям и общественному внушению, и никогда не думали о своем назначении в жизни, о том, в чем истинное благо человека; а если и думали, то решили, что знать этого нельзя. И эти-то люди, не зная ничего о том, в чем благо отдельного человека, воображают, что знают, несомненно знают, что нужно для блага всего общества, так несомненно знают, что для достижения этого блага, как они понимают его, совершают дела насилия, убийства, казней, которые сами признают дурными.

Сначала кажется странным, как это люди, не знающие того, что им нужно для самих себя, воображают себе, что твердо и несомненно знают то, что нужно для всего общества, а между тем именно оттого, что они не знают того, что им нужно для самих себя, они и думают, что знают то, что нужно для всего общества.

То недовольство, которое они смутно испытывают, не имея никакого руководства в жизни, они приписывают не себе, а дурном, не таком, какое они придумали, устройству общества, и в заботах об этом переустройстве видят возможность забвения и спасения от сознания неправильности своей жизни. От этого-то люди, не знающие, что делать с самими собой, всегда особенно твердо знают, что делать с обществом.

И чем меньше знают о себе, тем тверже знают об обществе. Таковы большей частью ИЛИ самые легкомысленные юноши или самые развращенные общественные деятели, как Мараты, Наполеоны, Николаи, Бисмарки. И от этого-то и полна история народов самыми ужасными злодеяниями.

Самое же вредное последствие такого мнимого предвидения того, чем должно быть общество, и направленная на изменение общества деятельность — то, что именно это-то мнимое предвидение и эта-то деятельность и препятствует больше всего движению общества по тому пути, который свойственен ему для его истинного блага.

И потому на вопрос о том, какая сложится жизнь народов,, которые перестанут повиноваться власти, мы отвечаем, что мы не только не можем знать этого, но и не должны думать, что кто-нибудь может знать это. Мы не можем знать, в какие условия станут народы, переставшие повиноваться власти, но несомненно знаем,

что мы, каждый из нас, должны делать для того, чтобы эти условия жизни народов были наилучшие. Мы несомненно знаем, что, для того чтобы условия эти были наилучшими, мы прежде всего должны воздерживаться от тех дел насилия, которые требует от нас существующая власть, и точно так же и от тех, к которым призывают нас люди, борющиеся с существующей властью для установления новой, и потому должны не повиноваться никакой власти. И должны не повиноваться не потому, что мы знаем, как сложится наша жизнь вследствие нашего прекращения повиновения власти, а потому, что повиновение власти, требующей от нас нарушения закона Бога, есть грех.

Это мы несомненно знаем, знаем и то, что оттого, что мы не будем нарушать волю Бога, не будем делать греха, ничего, кроме добра, как для нас, так и для всего мира, выйти не может.

XV.

Люди склонны верить в осуществление самых невероятных событий в мире, верят в возможность летать, общаться с планетами, верят в возможность устройства социалистического ю общества, в спиритические сообщения и многие другие, явно невозможные вещи, но не хотят верить в то, чтобы то мировоззрение, в котором они со всеми окружающими их людьми живут в данную минуту, могло бы измениться.

А между тем такие изменения, п самые удивительные, совершаются беспрестанно и с нами самими, п с нашими ближними, и с целыми обществами и народами, и эти-то изменения и составляют сущность жизни человечества.

Не говоря о всех тех изменениях в общественном сознании народов, которые происходили в исторические времена, на наших глазах теперь в России совершается с необыкновенной быстротой такое кажущееся поразительным изменение сознания всего народа, которое не проявлялось ничем внешним 2—3 года тому назад.

Изменение это, кажется нам, совершилось вдруг только потому, что происходившая в духовной области подготовка этого изменения была незаметна нам. То же совершается и теперь в недоступной нашему наблюдению духовной области. Если русский народ, два года тому назад считавший невозможным не только неповиновение существующей власти, но даже осуждение ее, теперь не только осуждает власть, но и готовится не повиноваться ей и установить новую власть на место старой, то почему не предположить, что теперь готовится в сознании русского народа еще иное и свойственное ему изменение своего отношения к власти, состоящее в нравственном, религиозном освобождении себя от нее?

Почему такого рода изменение не могло бы совершиться среди всякого и теперь среди русского народ?? Почему, вместо того раздраженного, эгоистического настроения взаимной борьбы, страха, ненависти, которое теперь охватило все народы, вместо всей той проповеди лжи, безнравственности, насилия, которая

теперь газетами, книгами, речами, делами так напряженно распространяется во всех народах, не могло бы так же охватить все народы и в особенности теперь весь русский народ после пережитых им грехов, страданий и ужаса религиозное, человеческое, разумное любовное настроение, которое открыло бы людям весь ужас подчинения власти, в которой они жили, и всю радостную возможность жизни разумной, любовной, без насилия и власти?

Почему, как теперь, десятилетиями влияний в одном и том же направлении, было подготовлено теперешнее проявление этого направления в революции, не могло быть так же подготовлено сознание возможности и необходимости освобождения себя от греха власти и установления среди людей единения, основанного на взаимном согласии и уважении и на любви человека к человеку? Лет 15 или 25 тому назад даровитый французский писатель Дюма-сын написал обращенное к Зола письмо, в котором он, человек даровитый, умный, но занятый преимущественно вопросами эстетическими и общественными, уже будучи стариком, высказал между прочим поразительные пророческие слова. Вот уже именно дух Божий веет, где хочет.

«Душа всегда в непрерывающем труде, в постоянном развитии и стремлении к свету и истине, — писал он.

До тех пор, пока не получит весь свет и не завоюет всю истину, она будет мучить человека. И вот она никогда так не занимала, никогда не налажала с такой силой свою власть на человека, как в наше время. Она, так сказать, разлита во всем том воздухе, который вдыхает мир. Те несколько индивидуальных душ, которые отдельно желали общественного перерождения, мало-по-малу отыскивали друг друга, сблизились, поняли себя и составили группу, центр притяжения, к которому стремятся теперь другие души с четырех концов света, как летят жаворонки на зеркало; они составили таким образом общую, коллективную душу, с тем, чтобы люди вперед осуществляли сообща, сознательно и неудержимо предстоящее единение и правильный прогресс наций, недавно еще враждебных друг другу. Эту новую душу я нахожу и узнаю в явлениях, которые кажутся более всего отрицающими ее.

Эти вооружения всех народов, эти угрозы, которые делают друг другу их представители, эти возобновления гонений известных народностей, эти враждебности между соотечественниками суть явления дурного вида, но не дурного предзнаменования. Это последние судороги того, что должно исчезнуть. Болезнь в этом случае есть только энергическое усилие организма освободиться от смертоносного начала. Те, которые воспользовались и надеялись еще долго и всегда пользоваться заблуждениями прошедшего, соединяются с целью помешать всякому изменению. Вследствие этого — эти вооружения, эти угрозы, эти гонения, но, если вы взглянете внимательнее, вы увидите, что все это только внешнее. Все это колоссально, но пусто.

Во всем этом уже нет души: она перешла в иное место. Все эти миллионы вооруженных людей, которые каждый день упражняются в виду всеобщей истребительной войны, не ненавидят уже тех, с которыми i» они должны

сражаться, ни один из их начальников не смеет объявить войны. Что касается до упреков, даже заражающих, которые слышатся снизу, то уже сверху начинает отвечать им признающее их справедливость великое и искреннее страдание.

Взаимное понимание неизбежно наступит в определенное время и более близкое, чем мы полагаем.

Я не знаю, происходит ли это от того, что я скоро уйду из этого мира и . что свет, исходящий из-под горизонта, освещающий меня, уже затемняет мне зрение, но я думаю, что наш мир вступает в эпоху осуществления слов: «любите друг друга», без рассуждения о том, кто сказал эти слова: Бог или человек.

Спиритуалистическое движение, заметное со всех сторон, которым столько самолюбивых и наивных людей думают управлять, будет безусловно человечно. Люди, которые ничего не делают с умеренностью, будут охвачены безумием, бешенством любить друг друга. Это сначала, очевидно, не совершится само собой. Будут недоразумения, может быть, и кровавые: так уж мы воспитаны и приучены ненавидеть друг друга часто теми самыми людьми, которые призваны научить нас любви. Но так как, очевидно, что этот великий закон братства должен когда-нибудь совершиться, я убежден, что наступают времена, в которые мы неудержимо пожелаем, чтобы это совершилось».

Я думаю, что мысль эта, — как ни странно выражение о том, что придет время, когда люди будут охвачены бешенством любви, — мысль эта совершенно справедлива и чувствуется более или менее смутно всеми людьми нашего времени. Не может не прийти время, когда любовь, составляющая основную сущность души, займет в ЖИЗНИ людей то место, которое свойственно ей, и будет главной основой отношений людей между собой.

Время это готовится, время это наступает.

«Мы теперь в предсказанное Христом время, — писал Ламенэ. — От одного конца земли до другого всё расшаталось. Во всех учреждениях, каких бы то-ни было, во всех различных системах, на которых основывалась общественная жизнь народов, нет ничего твердого. Бее чувствуют, что всё это скоро должно разрушиться, и в этом также храме не останется камня на камне. Но как разрушение Иерусалима и храма его, из коего удалился Бог живой, предчувствовало и приуготовило сооружение нового града и нового храма, куда по своей воле стекутся люди всех колен и всех народов, — так и из развалин нынешних храмов и городов воздвигнется новый город и храм, предназначенный стать всемирным храмом и общей родиной рода человеческого, до того разъединенного враждебными друг другу учениями, делающими братьев чужими и сеющими среди них безбожное ненавистничество и отвратительные войны. Когда придет тот, знаемый одним Богом, час w соединения народов в одном храме и в одном граде, тогда наступит воистину воцарение Христа, окончательное выполнение Его божественной миссии».

То же писал Чаннинг:

«Могущественные силы работают в мире, — писал он. — Никто не может остановить их. Признаки этого: новое понимание христианства, новое уважение к человеку, новое чувство братства и одинакового отношения всех людей к Отцу всех. Мы видим это, мы чувствуем это. И перед этим падут все угнетения. Общество, молчаливо проникнутое этим духом, переменяет свою вечную войну на мир. Могущество все захватывающего и кажущегося непобедимым себялюбия уступит этой естественной силе. «На земле мир и в людях благоволение не всегда будет только мечтою».

XVI.

Почему думать, что люди, находящиеся в полной власти Бога, навсегда останутся в том странном заблуждении, что важны и обязательны только законы человеческие, переменчивые, случайные, несправедливые, местные, а не единый вечный, справедливый и общий всем людям закон Бога? Почему думать, что учителя человечества постоянно будут проповедывать, как теперь, что такого закона нет и не может быть, а что есть только или у каждого народа, у каждой секты свои законы обрядовые, религиозные, или законы так называемые научные, законы вещества и воображаемые социологические, ни к чему не обязывающие людей, или еще законы гражданские, которые люди сами могут изменять и устанавливать? Такое заблуждение могло быть временным, но почему думать, что люди, которым открыт один и тот же написанный в их душе закон Бога в учениях браминов, Будды, Лаотзе, Конфуция, Христа, не последуют, наконец, этой единой основе всех законов, дающей им и нравственное удовлетворение и радостную общественную жизнь, а всегда будут следовать

той злой и жалкой путанице учений церковных, научных и государственных, отвлекающих их внимание от того, что одно нужно, и направляющих его на то, что не может быть ни на что кн нужно, так как не дает никаких доказательств на то, как прожить свою жизнь каждому отдельному человеку.

Почему думать, что люди будут, не переставая нарочно мучить себя, одни стараясь властвовать над другими, другие со злобой и завистью повинуюсь властвующим и выискивая средства стать самим властвующими?

Почему предполагать, что прогресс, которым люди будут гордиться, будет всегда в увеличении населения, в сохранении жизни, а не в нравственном совершенствовании жизни, будет всегда в жалких механических изобретениях, благодаря которым люди будут производить всё больше и больше ненужных и вредных, развращающих предметов, а не будет во всё большем и большем единении друг с другом и необходимом для этого единения покорении своих похотей; почему не предположить, что люди будут радоваться и соревновать не богатством, не роскошью, а простотой, умеренностью и добротой друг к другу?

Почему не думать, что люди будут видеть прогресс не в том, чтобы всё больше и больше захватывать, а в том, чтобы всё меньше и меньше брать от других, а всё больше и больше давать другим; не в том, чтобы увеличивать свою власть, не в том, чтобы всё успешнее и успешнее воевать, а в том, чтобы всё больше и больше

смиряться п всё теснее п теснее общаться — люди с людьми и народы с народами?

Почему, вместо того чтобы представлять себе людей неудержимо отдающимися похоти и размножающимися, как кролики, и для поддержания своих размножающихся поколений устраивающими себе в городах заводы с приготовлениями химической пищи и живущими среди них без растений п животных, — почему не представить себе людей целомудренных, борющихся с своими похотями, живущих в любовном общении с соседями среди плодородных полей, садов, лесов, с прирученными сытыми друзьями-животными, только с той против теперешнего их состояния разницей, что они не признают землю ничьей отдельной собственностью, ни самих себя принадлежащими какому-либо государству, не платят никому ни податей, ни налогов п не готовятся к войне и ни с кем не воюют, а, напротив, всё больше и больше мирно общаются народы с народами?

И для того чтобы представить себе жизнь людей такую, не нужно ничего выдумывать и в представлении своем изменять или прибавлять к жизни тех земледельческих людей, которых мы все знаем в Китае, России, Индии, Канаде, Алжире, Египте, Австралии.

Для того чтобы представить себе жизнь такую, не нужно представлять себе какое-либо хитрое, мудрое устройство, а нужно только представить себе людей, не признающих никакого иного высшего закона, кроме единого для всех, выраженного одинаково и в браминской, и буддийской, и конфуцианской, и таосийской, и христианской религии закона любви к Богу и ближнему.

И для того чтобы жизнь была такой, не нужно представлять себе людей какими-либо новыми существами — добродетельными ангелами. Люди будут точно такие же, как теперь, со всеми свойственными им слабостями и страстями, будут и грешить, будут, может быть, и ссориться, и прелюбодействовать, и отнимать имущество, и даже убивать, но всё это будет исключением, а не правилом, как теперь.

Жизнь их будет совсем другою уже по одному тому, что они не будут признавать добром и необходимым условием жизни организованное насилие, не будут воспитаны злодеяниями правительств, выдаваемыми за добрые дела.

Жизнь людей будет совсем другою уже по одному тому, что не будет более того препятствия к проповеди и воспитанию в духе добра, любви и покорности воле Бога, которое существует теперь при признании необходимости и законности правительственного насилия, требующего противного закону Бога, требующего выставления преступного и дурного в виде законного и доброго.

Почему не представить себе, что люди своими страданиями будут доведены до того, что опомнятся наконец от того внушения гипноза, от которого они долго страдали, ц вспомнят о том, что они сыны и слуги Бога и потому могут и должны повиноваться только Ему и своей совести? И всё это не только не трудно представить себе, но трудно представить себе, чтобы этого не было.

XVII.

«Аще не будете как дети, не придете в Царство Божие», относится не только к отдельным людям, но и к обществам людей. Как человек, испытав все бедствия страстей и соблазнов жизни, сознательно возвращается к простому, любовному ко всем, открытому к добру состоянию, в котором бессознательно бывают дети, возвращается со всем богатством опыта и разума взрослого человека, так точно и общества людей, испытав все бедственные последствия отступления от закона Бога для повиновения человеческой власти и попытки устройства жизни вне земледельческого труда, должны теперь со всем богатством приобретенного во время заблуждения опыта сознательно возвратиться от соблазнов человеческой власти и от попыток основания жизни на промышленной деятельности к временно оставленному ими повиновению высшему закону Бога и к первобытной земледельческой жизни.

Сознательно возвратиться от соблазна человеческой власти к повиновению одной высшей власти Бога — значит признать обязательность для себя всегда и везде вечного закона Бога, одинаково во всех учениях: браминском, буддийском, конфуцианском, таоссийском, христианском, частью магометанском (бабизме), несовместимого с повиновением человеческой власти.

Жить же сознательной земледельческой жизнью — значит признавать земледельческую жизнь не случайным временным условием жизни, а такую жизнь, при которой человеку легче всего исполнять волю Бога и которая поэтому должна быть предпочтена всякой другой жизни.

И для такого возвращения к сознательному повиновению власти и к земледельческой жизни, для такого возвращения на верный путь находятся восточные народы» и в том числе и русский народ, в особенно выгодных условиях.

Западным народам, так далеко уже ушедшим по ложному зет пути видоизменений организации власти с заменой земледельческого труда промышленным, возвращение это трудно и требует великих усилий. Но рано или поздно всё возрастающая раздраженность и непрочность их положения заставит их вернуться к основанной на своем труде, а не на эксплуатации других народов, разумной, истинно-свободной ЖИЗНИ.

Как ни заманчивы внешние успехи промышленности и красота лицевой стороны жизни, наиболее проницательные мыслители западных народов уже давно указывают на гибельность их пути и на необходимость обдумать, изменить свое положение, вернуться назад к той земледельческой жизни, которая была начальной формой жизни всех народов и которая предназначена всем людям для возможности разумной и радостной жизни.

Большинству восточных народов, и в том числе и русским людям, для этого не нужно ничего изменять в своей жизни, нужно только остановиться на том

ложном пути, на который они только-что вступили, и привести в сознание то отрицательное отношение к власти и любовное отношение к земледелию, которое было им всегда свойственно.

Нам, восточным народам, надо быть благодарным судьбе за то, что она поставила нас в такое положение, в котором мы можем воспользоваться примером западных народов, — воспользоваться этим примером не в том смысле, чтобы подражать им, а, напротив, в том смысле, чтобы не повторить их ошибки, не делать того, что они делали, не ходить по тому гибельному пути, с которого уж возвращаются или готовы возвращаться нам навстречу так далеко ушедшие по нем западные народы.

Вот в этой-то остановке шествия по ложному пути и указании возможности и необходимости проложения и указания другого, более легкого, радостного и свойственного человеческой природе пути, чем тот, по которому шли западные народы, в этом главное и великое значение совершающейся теперь в РОССИИ революции.

ПИСЬМО РЕВОЛЮЦИОНЕРУ

(Журнал "Толстовский Листок - Запрещенный Толстой", Выпуск пятый, Издательства "Пресс-Соло" и "Академия", Москва, 1994. OCR: Габриел Мумжиев)

Получил ваше интересное письмо и очень рад случаю ответить на него.

Вы говорите, первое, что правильно понятый эгоизм - это благо для всех, и что эта истина с разрушением старого строя быстро войдет в сознание людей. А как только истина войдет в сознание людей, так и наступит общее благо. Второе то, что ум человеческий может придумать условия общежития, при коих эгоизм одного человека не будет вредить другому. И третье то, что при этих придуманных условиях общежития, может, как вы выражаетесь, иметь место до известной степени и элемент принуждения, т.е. что для того, чтобы люди исполняли требования придуманного теоретиками наилучшего устройства, можно и должно употреблять насилие.

Три положения эти признаются одинаково всеми учеными, политиками и экономистами нашего времени. Ученые теоретики только не так откровенно, как вы, высказывают их. На этих трех положениях, основаны рассуждения сотен, тысяч людей, считающих себя руководителями человечества. А между тем все три положения эти суть не что иное, как самые странные и ни на чем не основанные суеверия. Не говорю уже о произвольности утверждения о том, что эгоизм, т.е. начало раздора и разъединения, может привести к согласию и единению, ни о странности столь распространенного суеверия о том, что небольшая кучка людей, большей частью не лучших, а худших, может придумывать наилучшее устройство жизни для миллионов людей, само допущение употребления насилия для введения придуманного устройства, тогда как таких придуманных устройств сотни противоположных одно другому, уже ясно показывает всю безосновательность этих странных суеверий.

Люди видят несправедливость и бедственность положения рабочего народа, лишенного возможности пользоваться произведениями своего труда, отбираемыми от него меньшинством властвующих и капиталистов, и придумывают средства изменения и исправления этого положения огромного большинства человечества. И вот для изменения и исправления такого положения предлагаются различными людьми различные приемы общественного устройства. Одни предлагают конституционную монархию с социалистическим устройством рабочих, есть и такие, которые отстаивают неограниченную монархию, другие предлагают республику с различными устройствами: меньшевики, большевики, трудовики, максималисты, синдикалисты, третьи предлагают прямое законодательство народа, четвертые - анархию с коммунальным устройством и мн. др.

Каждая партия, зная наверно, что нужно для блага людей, говорит: только дайте мне власть, и я устрою всеобщее благополучие. Но, несмотря на то, что многие из этих партий находились или даже и теперь находятся во власти, всеобщее обещанное благополучие все не устраивается, и положение рабочих

продолжает одинаково ухудшаться. Происходит это от того, что властвующее меньшинство, как бы оно ни называлось, неограниченной монархией, конституцией или республикой демократической, как во Франции, Швейцарии, Америке, находясь во власти и руководясь свойственным людям эгоизмом, естественно употребляют эту власть для удержания за собой посредством насилия трех выгод, которые приобретаются, как в ущерб рабочего народа. Так что при всех революциях и переменах правлений переменяются только властвующие: на место одних садятся другие, положение же рабочего народа остается все то же (Людям, сомневающимся в том, что положение рабочего народа везде по существу одинаково несправедливо и дурно и не улучшается, а ухудшается, советую прочесть прекрасную книгу Лозинского "Итоги Парламентаризма").

Так это было во Франции, в Англии, Германии, Америке, так это теперь с особенной очевидностью проявляется в России. Теперь верх одержала деспотическая партия, и она естественно употребляет все свои силы на борьбу с противными партиями и не заботится об улучшении положения народа. Если бы верх был за конституционалистами, было бы тоже самое: они боролись бы с реакционерами и социалистами и точно так же не заботились бы об улучшении положения народа. То же бы было, если бы верх был за республиканцами, как это и было во Франции при Большой и всех последующих революциях, как это происходило и происходит везде.

Как только дело решается насилием, насилие не может прекратиться. Насилуемые озлобляются против насилующих и, как только имеют к тому возможность, употребляют все свои силы на борьбу с теми, кто насилует их. Происходит это потому, что, при решении дела насилием, победа всегда остается не за лучшими людьми, а за более эгоистичными, хитрыми, бессовестными и жестокими. Люди же эгоистичные, бессовестные и жестокие не имеют никаких оснований для того, чтобы отказаться в пользу народа от тех выгод, которые они приобрели и которыми пользуются. Выгоды же, которыми пользуются властвующие, всегда в ущерб народу. Так что мешает освобождению народа от того угнетения и обмана, в которых он находится, никак не то, что нехорошо придумано вперед то или другое устройство общества, а то, что то или другое устройство вводится и поддерживается насилием. И потому естественно казалось бы людям, желающим освобождения народа, заботиться не о придумывании наилучшего устройства жизни освобожденного от порабощения народа, а изыскивать средства избавления народа от того насилия, которое порабощает его.

В чем же состоит то насилие, которое порабощает народ, и кто производит его? Казалось бы очевидно, сто сотни властвующих, правителей и богачей, не могут заставлять большие миллионы рабочих покоряться им, и что если сотни властвуют над миллионами, то насилие, совершаемое над миллионами рабочего народа, совершается не непосредственно кучкой властвующих, а самим народом, который каким-то сложными, хитрыми и искусными мерами приводится в то странное положение, при котором чувствует себя вынужденным совершать

насилие сам над собой. И потому казалось бы естественно людям, желающим избавления народа от его порабощения, исследовать прежде всего причины этого самоугнетения и постараться устранить их.

А между тем горы книг написаны и пишутся Марксами, Жоресами, Каутскими и другими теоретиками о том, каким, по открываемым ими историческим законам, должно быть человеческое общество и как оно должно быть устроено, о том же, как устранить главную, ближайшую, основную причину зла, - насилие, совершаемое рабочими самими над собой, не только никто не говорит, но напротив все допускают необходимость того самого насилия, от которого и происходит порабощение рабочего народа.

Так что, как ни странно это сказать, но нельзя не видеть того, что все горы социалистических, политических, экономических сочинений, исполненных эрудиции и ума, в сущности суть не что иное, как только пустые, ни на что не нужные, притом еще и очень вредные писания, отвлекающие человеческую мысль от естественного и разумного пути и направляющие ее на путь искусственный, ложный и губительный. Все эти писания подобны тому, что бы делали люди, у которых не было бы другой земли, кроме земли из-под леса, если бы люди эти, вместо того, чтобы корчевать эту землю, занимались бы рассуждениями и спорами о том, какими растениями засеять и засадить эту землю, когда она сама собой - по предлагаемому историческому закону, сделается удобной для хлебопашества. Ученые люди придумывают наилучшее будущее устройство жизни людей, порабощенных насилием, старательно обсуживая все подробности будущего устройства и горячо споря друг с другом о том, каким должно быть это будущее устройство, но ни слова не говорят о том насилии, при существовании которого немислимо никакое будущее устройство общественной жизни, никакое улучшение положения рабочего народа.

Для улучшения положения рабочего народа нужно одно: не рассуждение о будущем устройстве, а только освобождение самого себя от того насилия, которое он по воле властвующих производит сам над собой.

Как же освободиться народу от того насилия, которое он, в угоду меньшинству, производит сам над собой? Ответ может быть только один: освободиться от насилия может рабочий народ только тем, что перестанет участвовать в каком бы то ни было насилии, для каких бы то ни было условиях. А как же сделать то, чтобы люди не делали насилий, не участвовали в них для каких бы то ни было целей, при каких бы то ни было условиях? Для этого есть только одно средство: средство это в том, чтобы люди поняли про себя, что они такое, и следствие этого признали бы, что они всегда при каких бы то ни было условиях должны и чего никогда ни при каких условиях не должны делать, в том числе и всякого рода насилия человека над человеком, несовместимого с сознанием человеком своего человеческого достоинства.

Для того ж, чтобы люди поняли, что они такие, и вследствие этого признали бы, что есть дела, которые они всегда должны делать, и такие, какие они никогда ни при каких условиях не должны делать, в том числе и насилие человека над человеком, нужно то самое, что отрицаете и вы и ваши учителя-руководители:

нужна соответственная времени, т.е. степени умственного развития людей, религия.

Так что избавление рабочего народа от его угнетения и изменение его положения может быть достигнуто никак не проектами наилучшего устройства и еще меньше попытками введения этого устройства насилем, а только одним: тем самым, что отрицается радателями народа, утверждением и распространением в людях такого религиозного сознания, при котором человек признавал бы невозможность всякого нарушения единства и уважения к ближнему и потому и нравственную невозможность совершения над ближним какого бы то ни было насилия. А такое религиозное сознание, исключающее возможность насилия, казалось бы, легко могло быть усвоено и признано не только христианским, но и всем человечеством нашего времени, если бы не было, с одной стороны, суеверия лжерелигиозного, а с другой - еще более вредного суеверия лженаучного.

Вы говорите, что правильно понятый эгоизм - это благо всех, что не может вполне наслаждаться своим счастьем человек, если общество страдает, что будущее желательное общество должно быть построено на труде и солидарности всех. Все это совершенно справедливо, но достигается это только религиозным чувством, основа которого есть любовь, а никак не насилем, которое одно мешает установлению такого общества.

Для того же, чтобы народ мог освободиться от того насилия, которое он по воле властвующих производит сам над собой, нужно, чтобы среди народа установилась соответствующая времени религия, признающая одинаковое божественное начало во всех людях и потому не допускающая возможности насилия человека над человеком. О том же, как народ устроится, когда он освободится от насилия, подумает он сам, когда освобождение это совершится, и без помощи ученых профессоров найдет то устройство, которое ему свойственно и нужно.

Так как мысли, высказываемые вами, разделяются очень многими людьми нашего времени, то посылая вам свой ответ, я одновременно отдаю его в печать, о чем вас и уведомляю.

Ясная Поляна, 30 января 1909 г

ПИСЬМО СТУДЕНТУ О ПРАВЕ

Журнал "Толстовский Листок/Запрещенный Толстой", выпуск пятый, Издательство "Пресс-Соло", Москва, 1994. OCR: Габриел Мумжиев (gabrielmv@yahoo.com)

Получил ваше письмо и с удовольствием отвечаю на него. То, что вы выписываете из книги г-на Петражицкого, - "Существенное значение этических переживаний и нравственного и правового типа в человеческой жизни состоит в том что они

1) действуют в качестве мотивов поведения (мотивационное действие этических переживаний);

2) производят известные изменения в самой психике индивидов (педагогическое, воспитательное действие этических переживаний)"...

"Чисто моральная, беспритязательная психика -- очень высокая и идеальная психика, но она требует для нормального и здорового развития характера еще другой, притязательной, правовой психики. Без такого дополнения, или, правильнее, без такого (императивно-атрибутивного) фундамента нет здоровой этики, а существует почва для разных, подчас отвратительных, уродливостей"... "В обществе принято относиться к праву, как к чему-то низшему по сравнению с нравственностью, менее ценному, менее достойному уважения. А есть учения (напр. учение Л. Толстого, разные анархические учения), которые относятся к праву прямо отрицательно. В основе этих воззрений, как видно из всего вышеизложенного, лежит незнание природы и значение и той и другой ветви человеческой этики" - показалось мне, с одной стороны, в высшей степени забавным своими императивными, атрибутивными, этическими и какими-то еще переживаниями, особенно, когда я живо представил себе ту важность, с которой все это преподается почтенными, часто старыми уже людьми, и то подобострастное уважение, с которым все это воспринимается и заучивается тысячами не глупых и считающихся просвещенными молодых людей. Но, кроме этой комической стороны, есть в этом деле и сторона серьезная и очень серьезная. И про нее-то мне и хочется сказать то, что я о ней думаю. Серьезная сторона эта в том, что вся эта удивительная так называемая наука о праве, в сущности величайшая чепуха, придумана и распространяема не с легким сердцем, как говорят французы, а с очень определенной и очень нехорошей целью: оправдать дурные поступки, постоянно совершаемые людьми нерабочих сословий.

Серьезная сторона этого дела еще и в том, что ни на чем нельзя с большей очевидностью увидеть ту низкую степень истинного просвещения людей нашего времени, как на том удивительном явлении, что собрание таких самых запутанных, неясных рассуждений, выражаемых выдуманными, ничего не значащими, смешными словами, признается в нашем мире "наукой" и серьезно преподается в университетах и в академиях.

Право? Право естественное, право государственное, гражданское, уголовное право, церковное, право войны, право международное, *das Recht*, *le Droit*, право (по английски слово право, *das Recht*, *le droit*, передается словом *law*. Англичане

совершенно основательно соединили в одно-два искусственно разделенных понятия, так как правом называется только то, что утверждено законом).

Что же такое то, что называется этим странным словом? Если рассуждать не по "науке", т.е. не по атрибутивно-императивным переживаниям, а по общему всем людям здравому смыслу определять то, что в действительности подразумевается под словом "право", то ответ на вопрос о том, что такое право, будет очень простой и ясный: правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им -- властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено. Право государственное есть право отбирать у людей произведения их труда, послать их на убийства, называемые войнами, а для тех, у кого отбирают произведения их труда и которых посылают на войны, право пользоваться теми произведениями своего труда, которые еще не отобраны от них, и не идти на войны до тех пор, пока их не посылают.

Право гражданское есть право одних людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владение орудиями труда, и право тех, у кого нет земли и нет орудий труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды и голода, тем, которые владеют землей и капиталами. Уголовное право есть право одних людей ссылать, заточать, вешать всех тех людей, которых они считают нужным ссылать, заточать, вешать; для людей же ссылаемых, заточаемых и вешаемых есть право не быть изгнанными, заключенными, повешенными до тех пор, пока это тем, кто имеет возможность это делать, не покажется нужным. То же самое и по международному праву: это право Польши, Индии, Боснии и Герцеговины жить независимо от чужих властей, но только до тех пор, пока люди, распоряжающиеся большими количествами войска, не решат иначе. Так это ясно для всякого человека, думающего не по атрибутивно-императивным переживаниям, а по общему всем людям здравому смыслу. Для такого человека ясно, что то, что скрывается под словом "право", есть не что иное, как только самое грубое оправдание тех насилий, которые совершаются одними людьми над другими.

Но права эти определяются законами, говорят на это "ученые". Законами? да, но законы-то эти придумываются теми самыми людьми, будь они императоры, короли, советники императоров и королей, или члены парламентов, которые живут насилиями и потому ограждают эти насилия устанавливаемыми ими законами. Они же, те же люди и приводят эти законы в исполнение, приводят же их в исполнение до тех пор, пока законы эти для них выгодны, когда же законы эти становятся невыгодны им, они придумывают новые, такие, какие им нужно.

Ведь все дело очень просто: есть насилующие и насилуемые, и насилующим хочется оправдать свое насилие. И вот свои распоряжения о том, как они в данном случае и в данное время намерены насиловать людей, они называют законами, разрешение же, которое они сами себе дают совершать свои насилия, и

предписания насилуемым делать только то, что не запрещается им, называют правом.

И тысячи и тысячи молодых людей старательно изучают все эти глупости -- еще не беда бы была, если бы только глупости, но гадости, на которых строится этот грубый и губительный обман, и большие миллионы простых людей, доверяя тому, что им внушают "ученые", безропотно подчиняются той неестественной подавленной жизни, которая слагается для них вследствие этого проповедуемого и признаваемого "учеными" людьми обмана.

Когда какой-нибудь шах персидский, Иоанн Грозный, Чингисхан, Нерон режут, бьют людей тысячами, это ужасно, но все-таки не так ужасно, как то, что делают г-да Петражицкие и им подобные. Эти убивают не людей, а все то святое, что есть в них.

Нехорошо суеверие и отчасти обман какой-нибудь разносимой по народу чудотворной иконы матушки царицы небесной, но в этом суеверии и обмане есть некоторая поэзия, кроме того обман этот вызывает все-таки добрые чувства в людях, но в суеверии и обмане "права" нет ничего, кроме самого гадкого мошенничества, желания не только скрыть от людей сознаваемую всеми нравственно-религиозную истину, но извратить ее, выдать за истину самые жестокие и противные нравственности поступки: грабежи, насилия, убийства.

Поразительны при этом и дерзость, и глупость, и пренебрежение к здравом смыслу, с которыми эти г-да ученые вполне спокойно и самоуверенно утверждают, что тот самый обман, который более всего другого развращает людей, нравственно воспитывает их. Ведь говорить это можно было и то с грехом пополам, когда происхождение "права" признавалось божественным, теперь же, когда то, что называется "правом", выражается в законах, придумываемых или отдельными людьми, или спорящими партиями парламентов, казалось бы уже совершенно невозможно признавать постановления "права" абсолютно справедливыми и говорить о воспитательном значении "права". Главное же говорить о воспитательном значении "права" нельзя уже потому, что решения "права" приводятся в исполнение насилиями, ссылками, тюрьмами, казнями, т.е. поступками самыми безнравственными. Говорить теперь об этическом, воспитательном значении "права" все равно, что говорить (да и говорили это) об этическом воспитательном значении для рабов власти рабовладельцев.

Мы теперь в России с полной очевидностью видим это воспитательное значение "права". Видим, как на наших глазах развращается народ, благодаря тем неперестающим преступлениям, которые -- вероятно, оправдываемые "правом" -- совершаются русскими властями. Развращающее влияние деятельности, основанной на "праве", особенно резко заметно теперь в России, но то же самое всегда и везде есть, было и будет, где есть, -- а оно везде есть -- признание законности всякого рода насилий, включающих и убийство, основанных на "праве".

Да, воспитательное значение "права"!

Едва ли в каком-либо другом случае доходили до таких пределов и наглость лжи и глупость людей.

Этическое воспитательное значение "права"! Ведь это ужасно. Главная причина безнравственности людей нашего христианского мира это этот ужасный обман, который называется "правом", а они говорят о воспитательном значении "права".

Ведь никто не станет спорить о том, что самые первые, невысокие требования нравственности, не говоря уже о любви, состоят в том, чтобы не делать другому, чего не хочешь, чтоб тебе делали, сострадать бедному, голодному, прощать обиды, не грабить людей, не присваивать одним людям того, на что другие имеют одинаковое с ними право, вообще не делать того, что сознается злом всяким неиспорченным разумным человеком. И что же, как образец справедливости и исполнения нравственных требований, самым торжественным образом делается людьми, считающими сами себя учителями, руководителями людей? Охранение богатств крупных земельных собственников, фабрикантов, капиталистов, наживших свои богатства захватом земли, естественно долженствующей быть общей, или ограблением трудов рабочих, поставленных вследствие отнятия земли в полную зависимость от капиталистов; охранение такое усердное, что когда [кто] либо из ограбленных, забитых, обманутых, со всех сторон спаиваемых одуряющими напитками людей как-нибудь присвоит себе 0,0000001 предметов, которые постоянным грабежом отняты у него и его товарищей, его по "праву" судят, запирают, ссылают.

Живет владелец тысячи десятин земли, т.е. человек, противно всякой самой несомненной справедливости завладевший один естественным достоянием многих, в особенности тех, которые живут на этой земле, т.е. явно ограбивший и не перестающий грабить их. И вот один из этих огрубляемых людей, безграмотный, одуренный ложной верой, передаваемой ему из рода в род, спаиваемый правительством водкой, нуждающийся в удовлетворении самых первых жизненных потребностей, идет ночью с топором в лес и срубает дерево, необходимое ему или для постройки, или для того, чтобы на вырученные деньги купить самое необходимое. Его ловят. Он нарушил "право" владельца 1000 десятин леса, знатоки "права" судят его и сажают в тюрьму, оставляя голодную семью без последнего работника. То же совершается везде, в сотнях, тысячах таких случаев в городах, заводах и фабриках.

Казалось бы, что не может быть нравственности без справедливости, доброты, сострадания, прощения обид. Тут все это нарушается во имя "права". И такие-то дела, совершаемые на основании "права" ежедневно повсюду тысячами, нравственно воспитывают людей!

Воспитательное, этическое влияние "права"?!

Нет ничего -- даже не исключая богословия, которое так неизбежно развращало бы, не могло бы не развращать людей.

Можно только удивляться тому, как, несмотря на это постоянное и усиленное с двух сторон развращение народа, еще удержалось в нем истинное понимание справедливости, уже совершенно потерянное нерабочими сословиями.

"Если ученые господа, знающие все божеские и человеческие законы, при том ни в чем не нуждающиеся, богатые, считают, что надо бедняка, который по нужде, или даже по глупости, пьянству, невежеству срубил в лесу дерево или унес из завода на 2 рубля товару, посадить в тюрьму и не прощать, а морить с голоду его семью, то что же мне-то голому, безграмотному делать, когда у меня сведут лошадь. Судить, и не то что засудить, а убить конокрада" -- Так должны бы рассуждать люди из народа, но они, несмотря на все развращение, которому подвергаются от "права" и богословия, преимущественно от "права", все-таки удерживают настоящие нравственные человеческие черты, которых нет и помину людей, устанавливающих "права" и живущих по ним.

Кант говорил, что болтовня высших учебных заведений есть большей частью соглашение уклоняться от решения трудных вопросов, придавая словам изменчивый смысл. Но мало того, что эта болтовня ученых имеет целью уклонение от решения трудных вопросов, болтовня эта, как это происходит при болтовне о "праве", имеет часто еще самую определенную безнравственную цель -- оправдание существующего зла.

Так это и в нравственном отношении, но и с точки зрения разумности вера в какую-нибудь чудотворную матушку царицу небесную, или в канонизированную на днях Жанну д'Арк все-таки не так нелепа, как вера в атрибутивные, императивные переживания и т.п. Казалось бы, в наше время уже и явная неточность, софистичность самых понятий и искусственность несуществующих выдуманных слов для их выражения должны бы сразу отталкивать свежие, молодые умы от занятия такими предметами. Но по вашему письму вижу, что и теперь то же самое, что было 60 лет тому назад.

Я ведь сам был юристом и помню, как на втором курсе меня заинтересовала теория права, и я не для экзамена только начал изучать ее, думая, что я найду в ней объяснение того, что мне казалось странным и неясным в устройстве жизни людей. Но помню, что чем более я вникал тогда в смысл теории права, тем все более и более убеждался, что или есть что-то неладное в этой науке, или я не в силах понять ее; проще говоря, я понемногу убеждался, что кто-то из нас двух должен быть очень глуп: или Неволин, автор энциклопедии права, которую я изучал, или я, лишенный способности понять всю мудрость этой науки.

Мне было тогда 18 лет, и я не мог не признать того, что глуп я, и потому решил, что занятия юриспруденцией выше моих умственных способностей, и оставил эти занятия. Теперь же, занятая десятками лет совсем другими интересами, я как-то забыл о науке "права", и даже мне смутно представлялось, что большинство людей нашего времени уже выросли из этого обмана. Но по вашему письму я, к сожалению, вижу, что "наука" эта все еще существует и продолжает совершать свое злоторное дело. И потому я рад случаю высказать об этой науке то, что теперь о ней думаю, и полагаю, что думаю не один я, а вместе с очень многими и многими.

Не стану советовать профессорам разных "прав", проведшим всю жизнь в изучении и преподавании этой лжи и устроившим на этом преподавании свое положение в университетах и академиях и часто наивно воображающим, что,

преподавая свои мотивационные действия этических переживаний и т.п., они делают что-то очень важное и полезное, не стану таким людям советовать бросить это дурное занятие, как не стану советовать это священникам, архиереям, проводшим, как и эти господа, всю жизнь в распространении и поддержании того, что они считают необходимым и полезным. Но вам, молодому человеку, и всем вашим товарищам не могу не советовать как можно скорее, пока голова ваша не совсем запуталась и нравственное чувство не совсем притупилось, бросить это не только пустое и одуряющее, но и вредное и развращающее занятие.

Вы пишете, что г-н Петражицкий в своих лекциях упоминает о том, что он называет моим учением. Учения у меня никакого нет и не было. Я ничего не знаю такого, чего не знали бы все люди. Знаю же я со всеми людьми, с огромным большинством людей всего мира то, что все люди свободные, разумные существа, в душу которых вложен один высший, очень простой, ясный и доступный всем закон, не имеющий ничего общего с предписаниями людей, называемыми правами и законами.

Высший закон этот, самый простой и доступный всякому человеку, состоит в том, чтобы любить ближнего, как самого себя, и потому не делать другому того, чего не хочешь себе. Закон этот так близок сердцу человеческому, так разумен, исполнение его так несомненно устанавливает благо как отдельного лица, так и всего человечества и так одинаково был провозглашен закон этот всеми мудрецами мира, от Ведантистов Индии, Будды, Христа, Конфуция до Руссо, Канта и позднейших мыслителей, что если бы не те коварные и зловерные усилия, которые делали и делают богословы и правоведаы для того, чтобы скрыть этот закон от людей, закон этот уже давно был бы усвоен огромным большинством людей, и нравственность людей нашего времени не стояла бы на такой низкой степени, на которой она стоит теперь.

Так вот те мысли, которые вызвало во мне ваше письмо и которые я очень рад случаю высказать.

Письмо это мне бы хотелось напечатать. Если вы разрешите это, я бы напечатал его с вашим письмом.

27 Апр.1909 Ясная Поляна

О СОЦИАЛИЗМЕ

(1910)

Журнал "Толстовский Листок/Запрещенный Толстой", выпуск пятый, Издательство "Пресс-Соло", Москва, 1994. OCR: Габриел Мумжиев (gabrielmv@yahoo.com)

Вы желаете, чтобы я написал для вашей книги статью, касающуюся социальных и экономических вопросов, т.е. о том, в какую, по моему мнению, наилучшую с экономической точки зрения форму я желал бы, чтобы сложилось или должно сложиться современное общество.

Желания вашего я никак не могу исполнить, во-первых, потому, что не знаю, не могу знать и думаю, что никто не может знать ни тех законов, по которым изменяется экономическая жизнь народов, ни той наилучшей формы экономической жизни, в какую должно сложиться современное общество, как это думают знать социалисты и их учителя, а во-вторых, еще и потому, что если бы я и воображал себе, что знаю законы, по которым движется человечество в своем экономическом развитии, а также и ту наилучшую форму экономического устройства, в которую оно должно сложиться, как это думали и думают все социалистические реформаторы от Сен-Симона, Фурье, Оуэна до Маркса, Энгельса, Бернштейна и других, я бы никак не решился бы сказать это.

Не решился же бы я сказать этого потому, что имеющие в будущем сложиться экономические формы жизни человеческих обществ, по моему несомненному убеждению, так же мало могут быть предвидены и определены, как и будущее положение каждого отдельного живого человека, и что поэтому все эти вымышленные людьми законы и на основании этих законов предполагаемые различными людьми различные наилучшие устройства обществ не только не содействуют благу людей, но составляют одну из главных причин того неустройства человеческих обществ, от которого теперь страдают люди нашего времени.

Думаю я так потому, что человек может находить и устанавливать посредством наблюдений и рассуждений законы движения небесных тел, жизни растений, а также и животных, но никак не может подводить свою жизнь и жизнь себе подобных существ, обладающих разумом и волею, под законы, выведенные из наблюдения над внешнею жизнью человечества, не принимая во внимание тех особенных свойств разума и воли, которыми обладают только люди. Делать это все равно, что отыскивать и определять законы жизни животных, обладающих способностью произвольного передвижения, внешними чувствами и инстинктом, на основании законов, выведенных из наблюдений над мертвым веществом или хотя бы над растениями, не обладающими свойствами животных.

Правда, человек может спуститься и спускается до степени животного и тогда подлечит законам животной жизни и даже мертвой материи, но в общих своих

проявлениях человек всегда был и есть существо, отличающееся от всех других существ животного и вещественного мира, ему одному свойственным разумом и свободною волею. И потому жизнь его всякая, и семейная, и общественная, и политическая, и международная, и экономическая складывается, складывалась и должна складываться никак не на основании выведенных из наблюдения общих объективных законов, провозглашаемых разными теоретиками в политическом устройстве народов и в области экономической разными Марксами, Энгельсами, Бернштейнами и т.п., а всегда только на основании совершенно другого, одного для всех людей закона жизни, провозглашенного с древнейших времен и браминами, и Буддой, и Лао-Тце, и Сократом, и Христом, и Марком Аврелием, и Эпиктетом, и Руссо, и Кантом, и Эмерсоном, и Чанингом, и всеми религиозно-нравственными мыслителями человечества.

Религиозно-нравственный закон этот, определяя все проявления жизни человеческой, и семейные, и общественные, и политические, и международные, определяет в том числе и экономические, определяет их совершенно иначе, чем это делают все политические, международные, общественные и социалистические учения. Различие это заключается во-первых в том, что тогда как все объективные законы и выведенные из них учения, по которым должны быть устроены человеческие общества, бесконечно разнообразны и противоречат одно другому; религиозно-нравственный закон в своих главных основах, хотя бы в том, признаваемом всеми людьми и всеми религиозными учениями положении о том, что всякий человек не должен делать того, чего себе не хочет, религиозно-нравственный закон -- один и для всех людей один и тот же. Различие это, во-вторых и главное, заключается в том, что тогда как все политические, международные, общественные, а также и социалистические учения предрешают те формы, в которые будто бы должна сложиться жизнь людей, и требуют от людей усилий для достижения именно этих, вперед определенных форм, религиозно-нравственный закон, не предрешая никаких форм жизни, ни семейной, ни политической, ни международной, ни экономической, требует от людей только воздержания во всех областях жизни от поступков противных этому закону, одним исполнением этого закона достигая всего того блага, которое тщетно обещают все политические, а также и социалистические учения.

Различие это подобно тому, какое было бы между двумя артелями работников, приставленных хозяином к одному и тому же делу -- положим, к земляным работам для проведения дороги. Работникам даны орудия для работы и приказано ровнять по проложенным линиям землю, но не сказано, для чего именно предназначена работа. Одна из двух артелей, составленная из людей горячих, легкомысленных и потому самоуверенных, не будучи в состоянии понять, для чего предназначена работа, находит, что указания, данные хозяином, неясны, неопределенны и едва ли к чему-нибудь пригодны, и для того, чтобы придать смысл своей работе, люди этой артели придумывают более определенную цель. Одни решают, что вместо того, чтобы ровнять без всякой видимой им цели землю, разумнее будет копать гряды для посадки капусты, другие же, что еще лучше будет копать землю в глубину для отыскания клада

или золота, третьи же предполагают, что полезнее было бы копанье пруда или колодца и на это направляют свои силы. Делая же не то, что предписано хозяином, а сами придумывая цели для своей деятельности, работники ссорятся между собой, мешают друг другу и не только не делают того, что могли бы сделать и что нужно для их же блага, но еще и портят свою жизнь теми раздорами, которые неизбежно возникают между ними. Так поступают люди, предпрещающие кажущиеся им наилучшие формы общественной, политической, экономической жизни и полагающие свои силы на осуществление этих форм жизни. Люди же, следующие религиозно-нравственному закону, подобны тем разумным работникам, которые, делая то, что предписано им хозяином, вполне уверены, что из исполнения ими воли хозяина ничего, кроме добра во всех отношениях, для них не может выйти.

Казалось бы, так просто, так естественно, так свойственно разумному существу -- человеку руководиться в своей короткой, всякую минуту могущей быть оборванной жизни тем общим религиозно-нравственным законом, который живет в душе каждого человека и который выражен и признается всеми великими религиями человечества, а никак не теми взаимно противоречивыми требованиями осуществления признаваемых людьми наилучшими форм жизни, достигаемых всегда только нарушениями требований нравственного закона. А между тем с древнейших времен совершалось, совершается и теперь и считается необходимым это самое нарушение религиозно-нравственного закона для осуществления и поддержания того или иного устройства жизни, считаемого теми или другими людьми наилучшим. Все правительства, от самых деспотических до самых либеральных, все революционные партии, все коммунисты, социалисты, всех возможных оттенков проповедают и делают это. Отчего это?

А от той общей причины тех бедствий, которые сами себе наносят люди, от суеверия. Подчиняясь этому суеверию, люди придумывают себе какие кому более нравятся цели -- то государственные, то патриотические, то социалистические, то коммунистические, то анархические, и вместо исполнения своего истинного назначения и приобретения предназначенного всем блага, направляют все силы свои на устройство жизни других людей и, как и не может быть иначе, достигают не только не ожидаемого блага, но все большего и большего упадка нравственности и все большего и большего ухудшения своей жизни. Все войны, все казни, все революции, все ограбления трудящихся нетрудящимися, все общественные бедствия зиждутся только на этом суеверии. В сущности ведь это не может быть иначе. Ведь как только я верю, что могу знать то лучшее устройство жизни, в которое могут сложиться люди, то и не имею никакой другой, кроме лично эгоистической цели в жизни.

Укажу хоть на один пример. Социалистическое учение требует, чтобы произведениями труда пользовались трудящиеся. Но кто же отнимает у трудящегося его труд? Капиталисты. Кто же дает капиталистам возможность отнимать у трудящегося его труд? Власть. Власть же -- это полиция, войско. Войско же и полиция составлены из тех самых людей, у которых капиталисты отнимают их труд. Зачем же эти люди делают это, сами у себя отнимают

произведение своего труда? Затем, что они обмануты. Стало быть, все дело в обмане. Что же проповедуют социалистические учения для того, чтобы избавиться от этого обмана? Всякого рода соединения во имя выгод рабочих: кооперации, стачки, распространение социалистических учений. Но разве все эти меры могут уничтожить тот обман, посредством которого одни люди находят нужным обманывать других, а другие подчиняются этому обману. Допустим, что одни устроители общества, пускай это будут социалисты, будут в состоянии предписывать законы, которые должны будут подчиняться капиталисты и всякие собственники. Но ведь никогда не было и не может быть, да и не будет того, чтобы устроители общества пришли бы к оному признаваемому всеми наилучшему устройству общества. А как скоро не будет такого согласия, необходимо будет (как оно всегда и было, есть и теперь) употребление власти, т.е. насилия одних людей над другими. Для того же, чтобы было насилие, необходимо, чтобы продолжался тот самый обман, вследствие которого люди насилуют самих себя по воле тех людей, какие в данное время имеют власть.

Власть же для того, чтобы быть властью, должна поддерживать этот обман всякого рода обманами и жестокостями, направленными против обманутого народа: она должна иметь тюрьмы, даже казни, должна иметь полицию, войско, т.е. людей, без рассуждения обязанных исполнять приказанное до убийства включительно. А разве возможно предположить, чтобы при обязательности, *conditio sine qua non* (необходимое условие) такой деятельности, какая бы то ни была власть могла содействовать благу народа.

Что же нужно сделать для того, чтобы люди перестали подчиняться этому обману, перестали бы насиловать самих себя? Очевидно, есть только одно средство: соединение всех людей в одном общем всем законе жизни, из которого вытекало бы и устройство общественной жизни. И закон этот есть и сразу уничтожает ту главную причину существующего зла, заключающегося в обмане, вследствие которого люди насилуют самих себя и дают возможность капиталистам отнимать у работников произведения их труда. Только следуй человек религиозно-нравственному закону, не допускающему насилия человека над человеком, ни какого бы то ни было участия в таком насилии, и насилие, главная причина несправедливого экономического устройства жизни, само собой уничтожается.

"Да, но ведь это было бы так, если бы все люди отказались от участия в насилии. То же, что один человек откажется от уплаты податей, от солдатства, что же из этого", скажут на это. Но ведь он отказался не потому, что ему это выгодно или невыгодно. Отказался он от участия в насилии над людьми -- платили податей или военная служба -- не потому, что он хочет достигнуть этим какой-либо цели, а только потому, что он сделал тот вывод, который не может не сделать ни один человек из того, если не религиозного, то нравственного закона, который каждый исповедует и без признания которого жизнь человека станет жизнью ниже животной.

И потому важно не количество отказавшихся от участия в насилии людей, а важно то, во имя чего отказываются люди. И потому один отказавшийся несравненно могущественнее всех тех миллионов людей, которые будут мучить, держать в тюрьме, казнить этого одного отказавшегося.

И поступок его значительнее, богаче последствиями всех возможных парламентских речей, конгрессов мира, социализма и всех этих забав и средств срывания от себя истины. И правительства и капиталисты очень хорошо знают это. Знают это чувством самосохранения и везде, в Японии даже, запрещают книги, провозглашающие эту простую, всем известную правду, и сажают в тюрьмы тех людей, которые в жизни своей исповедуют ее. Правительства и капиталисты знают, где угрожающая им опасность. Не могут не знать, потому что в этом для них вопрос жизни и смерти. Вопрос жизни или смерти для них в провозглашении или непровозглашении той простой правды, что всякому человеку, такому ж, как все другие, обладающему разумом и способностью любви, нет никакой надобности отдаться на год в рабство чуждым ему людям и под их руководством учиться убивать и убивать тех людей, которых ему велят убивать, и не только нет никакой надобности, что дело это самое преступное, противное самой не чуткой совести и, кроме того, самое вредное для того, кто соглашается его делать, а также и для всех его братьев.

Вот это то пробуждающееся сознание, а никак не социализм, страшен правительствам и капиталистам. Социализм же, парламентаризм и всякие конгрессы, напротив, полезны правительствам и капиталистам: все эти учреждения со своими сложными разглагольствованиями, спорами, самым действительным способом скрывают от людей главную причину того зла, против которого они будто бы борются.

Да, люди нашего, так называемого христианского мира все живут только суевериями: суеверие церковей, суеверие государства, суеверие науки, суеверие устроительства, суеверие патриотизма, суеверие искусства, суеверие прогресса, суеверие социализма. Оно и не может быть иначе: когда нет веры, не могут не быть суеверия. А веры нет. Христианский мир пережил христианство в тех грубых формах, в которых оно выразилось и выражается в католицизме, ортодоксии, протестантстве. И это бы ничего, если бы люди поняли, что так как им нужна религия, и они пережили церковное христианство, которое уже не отвечает их требованиям, то им надо все силы употребить на то, чтобы найти те разумные основы жизни, на которых бы они могли основать свою жизнь. Но к несчастью в нашем христианском мире случилось нечто скрывшее и скрывающее от людей их бедственное положение -- скрывающее на время, потому что это бедственное положение отрезвит людей -- случилось то, что вместо того, чтобы, потеряв главную основу жизни -- религию, все силы направить на установление тех религиозных основ, без которых никогда не жило и не может жить человечество, наш европейский так называемый образованный мир очень обрадовался тому, что нет религии, и решил, что ее совсем и не нужно, что мы давно уже стоим выше этих грубых суеверий каких-то религиозных учений. "Это диким, которые ездили на волах, нужна была религия, а мы гораздо выше этого. У нас есть прогресс, эволюция, теория атомов, эфир, радий. Не только мы делаем 60 в час, но перелетели через Альпы, ездим под водой, синематограф, телефоны, граммофоны, беспроволочный телеграф. Чего же еще? То же, что есть миллиардеры, не знающие куда поместить свои капиталы, и миллионы безработных рабочих, которые как милости ждут работы, и что 13 миллиардов

ежегодно тратится на вооружения и миллиону людей стоят под ружьем, всякую минуту по воле нескольких людей могущие начинать убивать друг друга сотнями тысяч, все это не важно, потому что все это устраняется тем социализмом и конгрессами мира, которыми мы усердно занимаемся. Какая же тут религия. Смешно даже при той высокой степени нашего развития говорить о таких устарелых глупостях".

Да, поразительно одурение нашего, так называемого образованного мира!

Так что, в конце концов, краткий смысл длинных рассуждений следующий. Вам, молодым людям, людям 20 столетия, людям будущего, если вы точно хотите исполнить свое высшее человеческое назначение, надо прежде всего освободиться, во-первых, от суеверия о том, что вы> знаете, в какую форму должно сложиться человеческое общество будущего, во-вторых, от суеверия патриотизма, чешского или славянского, в-третьих, от суеверия науки, т.е. слепого доверия всему тому, что вам передают под фирмой научной истины, в том числе и разные экономические и социалистические теории, в-четвертых, от главного суеверия, источника всех зол нашего времени, о том, что религия отжила свое время, а есть дело прошлого. Освободившись же от этих суеверий, вам надо прежде всего постараться изучить все то, что в области определения истинных основ, религиозных основ жизни сделано всеми величайшими мыслителями мира, и, усвоив разумное, религиозное мировоззрение, исполнять его требования не для того, чтобы достигнуть вами или кем бы то ни было определенной цели, а для того, чтобы исполнить свое назначение человека, несомненно ведущее к неведомой нам, но несомненной благой цели.

1910

ИЗ ДНЕВНИКА (1895-1899 гг.)

3 Января 1895. Никольское. Олсуфьевы. ...Вчера был оживленный спор о православии. Вся неясность понимания происходит от того, что люди не признают того, что жизнь есть участие в совершенствовании себя и жизни. *Быть лучше и улучшить жизнь...*

6 Января 1895. Никольское ...Жизнь истинная — в движении вперед, в улучшении себя и улучшении жизни мира через улучшение других людей. Всё, что не ведет к этому, не жизнь, тем более то, что препятствует этому

7 Февраля 1895 ...Положение просвещенного истинным братолюбивым просвещением большинства людей, подавленных теперь обманом и хитростью насильников, заставляющих это большинство самим губить свою жизнь, положение это ужасно и кажется безвыходным. Представляются только два выхода и оба закрыты: один в том, чтобы насилие разорвать насилием, террором, динамитными бомбами, кинжалами, как делали это наши нигилисты и анархисты, вне нас разбить этот заговор правительств против народов; или вступить в согласие с правительством, делая уступки ему и, участвуя в нем, понемногу распутывать ту сеть, которая связывает народ и освобождает его.

Оба выхода закрыты. — Динамит и кинжал, как нам показывает опыт, вызывают только реакцию, нарушают самую драгоценную силу, единственную, находящуюся в нашей власти — общественное мнение; другой выход закрыт тем, что правительства уже извели, насколько можно допускать участие людей, желающих преобразовывать его. Они допускают только то, что не нарушает существенного, и очень чутки насчет того, что для них вредно, чутки потому, что дело касается их существования.

Допускают же они людей, несогласных с ними и желающих преобразовывать правительства, не только для того, чтобы удовлетворить требованию этих людей, но для себя, для правительства. Правительствам опасны эти люди, если бы они оставались вне правительств и восставали бы против них, усиливали бы единственное сильнейшее правительств орудие — общественное мнение — и потому им нужно обезопасить этих людей, привлечь их к себе посредством уступок, сделанных правительствам, обезвредить их вроде культуры микробов — и потом их же употреблять на служение целям правительств, т. е. угнетение и эксплуатацию народа.

Оба выхода плотно и непробивно закрыты. Что же остается? **Насилием разорвать нельзя — увеличиваешь реакцию; вступать в ряды правительств тоже нельзя, становишься орудием правительства. Остается одно: бороться с правительством орудием мысли, слова, поступков жизни, не делая ему уступок, не вступая в его ряды, не увеличивая собой его силу. Это одно нужно и наверно будет успешно.** И этого хочет Бог и этому учил Христос.

Глядя на то, что делается во всех собраниях, на то, что делается на свете с условными приличиями и увеселениями, мне поразительно ясна стала, кажется, никогда еще не приходившая мне мысль, что кучей, толпой, собранием делается только зло. Добро делается только каждым отдельным человеком порознь.

21 Февраля 1895 ... О государстве: мы дожили до того, что человек просто добрый и разумный не может быть участником государства, т. е. быть солидарным, не говорю про нашу Россию, но быть солидарным в Англии с землевладением, эксплуатацией фабрикантов и капиталистов, с порядками в Индии — сечением, с торговлей опиумом, с истреблением народностей в Африке, с приготовлениями войн и войнами. И точка опоры, при которой человек говорит: я не знаю, что и как государство, и не хочу знать, но знаю, что я не могу жить противно совести — эта точка зрения непоколебима и на этой должны стоять люди нашего времени, чтобы двигать вперед жизнь. Я знаю, что мне велит совесть, а вы, люди, занятые государством, устраивайте, как вы хотите, государство так, чтобы оно было соответственно требованиям совести людей нашего времени.

А между тем люди бросают эту непоколебимую точку опоры и становятся на точку зрения исправления, улучшения государственных форм и этим теряют свою точку опоры, признавая необходимость государства, и потому сходят с своей непоколебимой точки зрения. Неясно, но я думаю, что напишу на эту тему. Очень мне кажется важно...

6 апреля 1895 ... Цель жизни благо. Благо только в служении Богу. Служение Богу в увеличении любви в мире. Увеличение любви в мире достигается только увеличением и проявлением любви в себе. Любовь же в себе и дает нам то высшее благо, к которому мы стремимся.

9 мая 1896 ... С малым капиталом невыгодно никакое предприятие. Чем больше капитал, тем выгоднее: меньше расходов. Но из этого никак не следует, чтобы, по Марксу, капитализм привел к социализму. Пожалуй, он и приведет, но только к насильственному.

Рабочие будут вынуждены работать вместе и работать будут меньше, и плата будет больше, но будет то же рабство. Надо, чтобы люди свободно работали сообща, выучились работать друг для друга, а капитализм не научает их этому. Напротив, научает их зависти, жадности — эгоизму. И потому из насильственного сообщения через капитализм может улучшиться материальное положение рабочих, но никак не может установиться их довольство. Довольство может установиться только через свободное сообщение рабочих. А для этого нужно учиться общаться, нравственно совершенствоваться — охотно служить другим, не обижаясь на то, что не встречаешь возмездия. А учиться этому можно никак не при капиталистическом соревновательном устройстве, а при совершенно другом.

19 марта 1898 ... Социалисты никогда не уничтожат бедность и несправедливость, неравенство способностей. Умнейший, сильнейший будет пользоваться глупейшим и слабейшим. Справедливости и равенства благ нельзя достигнуть ничем меньшим христианства, т. е. отречением от себя и признанием смысла своей жизни в служении другим...

21 марта 1898 ... Умные социалисты признают, что для достижения их цели главное дело в том, чтобы поднять умственно и физически рабочих. Сделать это можно только религиозным воспитанием, а этого они не признают, и потому вся их работа тщетна.

Ищите Царствия Божия и правды его, а остальное приложится вам есть единственное средство достижения цели социализма...

К воззванию: Все согласны, что мы живем не так, как должны бы и могли бы. Лекарство одних: фатализм религиозный и еще хуже научный, эволюционный; другие утешаются тем, что постепенно всё само собой лучше и лучше устраивается,— постепеновцы; третьи обещают, что всё устроится, когда дойдет до последней крайности — социалисты — правительство и богатые классы завладеют вполне всеми, т. е. рабочими, и тогда вдруг власть как-то перескочит не только к рабочим, но к неошибающимся, бескорыстным, самоотверженным, святым рабочим, которые поведут уже всё дело без ошибки, без греха; четвертые говорят, что исправить всё дело можно только истреблением злодеев, дурных. Но где кончаются дурные и начинаются хоть не добрые, но безвредные — нет указаний. То не истребят всех дурных, то, как в большую революцию, захватят в дурные уже и хороших. Только начать строго судить, никто прав не останется. Как же быть? А есть только одно средство: религиозное изменение дум людей. И вот этому-то изменению мешают все воображаемые лекарства.

30 июня 1898 ... Правительственная вся забота направлена не на то, чтобы устроить хорошую жизнь управляемым, а на то, чтобы доказать тем, которые говорят, что правительство дурно управляет, что это неправда. И потому выходит та странная вещь, что правительства трудятся и хлопочут вовсе не о народе, а о том, чтобы доказать несправедливость обвинителей

03 августа 1898 ... Если бы и случилось то, что предсказал Маркс, то случилось бы только то, что деспотизм переместился бы. То властвовали капиталисты, а то будут властвовать распорядители рабочих.

Ошибка марксистов (и не одних их, а всей материалистической школы) в том, что они не видят того, что жизнью человечества движет рост сознания, движение религии, более ясное, общее, удовлетворяющее всем вопросам понимания жизни, а не экономические причины.

Главная недодуманность, ошибка теории Маркса в предположении о том, что капиталы перейдут из рук частных лиц в руки правительства, а от правительства, представляющего народ, в руки рабочих. Правительство не представляет народ, а есть те же частные люди, имеющие власть, несколько различные от капиталистов, отчасти совпадающие с ними. И потому правительство никогда не передаст капитала рабочим.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Июль 1898

По Марксу можно сказать только то, что при языческом мировоззрении деспотизм будет перемещаться, но никогда не уничтожится...

Движет человечеством духовный рост — религия. Марксисты не видят этого и хотят вывести движение из экономических причин...

Рабочие пойманы и нет выхода...